Ученица боевого мага

Автор:
Александра Лисина

Ученица боевого мага

Александра Лисина

Академия высокого искусства #3Волшебная академия (АСТ)

Айра – самая упрямая адептка Академии высокого искусства. Но не потому, что умудрилась выжить после смертельного удара, а из-за того, что посмела открыто бросить вызов боевому магу Викрану дер Соллену. Теперь ей придется постараться, чтобы ни в чем не уступить ему. И сделать все, чтобы избежать инициации, которую иначе чем унижением не назовешь.

Александра Лисина

Ученица боевого мага

© А. Лисина, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Его выбросило на скалистый берег, как сломанную игрушку, в которой больше не было надобности. Повертело напоследок в водовороте, притопило холодными волнами и, вдоволь наигравшись, вышвырнуло на камни, лишь чудом при этом не убив.

Даст, придя в себя, судорожно закашлялся, сплевывая тину и налипший на губы песок. Затем с трудом приподнялся на дрожащих руках и с тревогой оглядел массивные нагромождения камней, между которыми ему повезло оказаться.

Моментально оценил высоту круто обрывающегося берега, под которым все еще бесновалось разгневанное море. Зябко передернул плечами, услышав рокот бьющихся внизу волн. Мудро отполз подальше от края и с холодком подумал, что ему действительно повезло: если бы его выбросило чуть ниже, на песчаную косу, тянущуюся вдоль кромки прибоя, то разбуженное грозой море уже слизнуло бы бесчувственное тело обратно. Если бы, напротив, закинуло чуть выше, то его совершенно точно расплющило бы о скалы. Но Всевышний не забыл о своем блудном сыне. И, вероятно, посчитал, что Даст пока не исполнил уготованное ему предназначение.

Оказавшись в относительной безопасности, южанин со стоном перекатился на бок и замер, уставившись в низко повисшее небо, в котором все еще бушевала гроза. Какое-то время просто лежал, не в силах до конца осознать случившееся. Затем зажмурился от внезапно полыхнувшей в небесах молнии, словно ножом распоровшей влажный воздух. Поежился от оглушительного раската грома. Запоздало почувствовал, как хлещет по обнаженному торсу ледяной, пронизывающий до костей ветер, и только тогда, позабыв про выматывающую слабость, резко сел: нужно было убираться отсюда подальше.

Неожиданно где-то неподалеку раздался тихий стон.

Даст неосторожно повернул голову, пытаясь разглядеть собрата по несчастью, но тут же охнул от пронзившей его шею боли и схватился за затылок.

– Демоново племя…

Но стон повторился снова, и южанин, поднявшись, с трудом поковылял на звук. Беспрестанно оскальзываясь на мокрых камнях, недобро поминая свою затекшую шею, проклятого Угря, странного мальчишку, едва не угробившего его вместе с кораблем. А еще – это мрачное море, низкое небо и совсем уж ледяные брызги, от которых он моментально продрог до костей.

Непроизвольно пригнувшись от нового громового раската, Даст опасливо покосился за спину, где до сих пор неистовствовала буря. А затем подумал, что Кратт, если и выжил, когда в него ударила молния, то теперь-то уж точно утоп. Как и команда его, и тот маг-идиот, и… прости господи… один славный, упрямый мальчишка, магический потенциал которого они проморгали и по воле которого разверзлась недавно эта бушующая жуть.

Снова услышав стон, воин с тяжелым вздохом отвернулся и, поспешив на голос, громко крикнул:

– Эй! Кто там?!

Впереди тихонько всхлипнули.

– Я…

– А ты кто есть-то?

– Мира… – Между камнями мелькнула мокрая макушка со спутанными в колтуны волосами, а затем показалось бледное, заплаканное лицо. – Помоги мне! Кажется, я повредила ногу!

Даст охнул, мгновенно ее узнав и только сейчас сообразив, что несчастная девчонка, волей провидения не доставшаяся Кратту, тоже уцелела. Чудом выжила, выбралась, до последнего цепляясь за него своими тонкими пальчиками, но потом ее все-таки оторвало и отбросило куда-то в сторону.

Он тогда испугался, что потерял ее навсегда, но теперь облегченно вздохнул и молча вознес хвалу Всевышнему за то, что тот сохранил хотя бы эту невинную душу. После чего уже громче крикнул:

– Подожди, я сейчас тебе помогу!

До Миры он добрался быстро – внезапная радость от мысли, что девушка жива, придала ему сил. Конечно, она была измученной, мокрой и замерзшей. Но, завидев его, все же нашла в себе силы улыбнуться, из-за чего Даст почувствовал себя неловко. И, чтобы скрыть смущение, поспешил опуститься на колени –

осмотреть ее распухшую лодыжку.

Перелома, к счастью, не было – лишь сильный ушиб, о чем он сразу же и сообщил. Однако, вместо того чтобы порадоваться, Мира неожиданно сгорбилась и горько расплакалась, только сейчас поняв, что самое страшное позади.

– Ну, чего ты? – неловко погладил мокрую макушку Даст. – Жива же… здорова… выберемся теперь. – А потом заглянул в ее огромные испуганные глаза и почему-то добавил: – И ты сможешь вернуться домой. Обещаю.

Мира порывисто к нему прижалась, спрятав заплаканное лицо на его груди. Такая маленькая, хрупкая… совсем еще юная, светлая и нежная, как весенний цветок. Просто чудо, что ее не коснулись похотливые руки Кратта. Чудо, что ей не довелось узнать всех мук позорного плена. Страшно подумать, до чего бы ее довели эти скоты, если бы не Вэйр и его проснувшаяся магия.

– Пойдем, – вздохнул южанин, погладив дрожащую девушку по спине. – Надо отыскать воду и какое-нибудь укрытие. Может, где-то поблизости хижина найдется? Или на кого-нибудь набредем по дороге?

– Куда идти-то? – стуча зубами от холода, спросила Мира. – Я даже не знаю, что это за место.

– Я тоже. Но стоять нельзя. Если не найдем в ближайшее время защиту от ветра, околеем.

Она только кивнула, неохотно отстранившись. Неловко поправила лохмотья, в которые превратилось платье. А потом со стыдом подумала, что их едва хватает, чтобы прикрыть живот и грудь, а оказаться в таком виде рядом с чужим мужчиной – хуже нет позора. Даже если он только что спас ей жизнь.

Даст, перехватив ее настороженный взгляд, отвернулся, хорошо зная, насколько строг в Аргаире Покон. Но делать нечего – сейчас у него не было даже рубахи, чтобы прикрыть ее наготу. А отдать собственные штаны (изорванные и такие же грязные, как платье) и остаться в чем мать родила было еще хуже, чем так.

Решительно взяв девушку за руку, он двинулся вдоль берега, то и дело поглядывая на мокрые скалы и набрасывающиеся на них волны. Спеша добраться до песчаной отмели и виднеющейся вдалеке узкой полоски леса, где можно было хотя бы шалаш сделать, чтобы укрыться от ветра. Вода, опять же, там наверняка будет. Река или крохотный ручеек – неважно. Главное, что она непременно там есть, так что умереть от жажды им не грозит. И от голода, кстати, тоже – хоть ягоды, хоть грибы, но найдутся. Да и вообще, в лесу гораздо проще переждать ночь, чем на продуваемом всеми ветрами берегу.

А ночь-то наступит уже скоро. Магическая буря разыгралась ближе к вечеру, да и корабль какое-то время еще боролся со стихией, стараясь отсрочить неизбежное. Даст хорошо помнил, что довольно долго цеплялся за скользкую палубу, пытаясь не сорваться в море. Помнил, как прижимал к себе испуганную девчонку… удивительно ладную, золотоволосую и голубоглазую кроху, чем-то смутно похожую на Вэйра…

Даст поспешно отогнал от себя мысль о мальчишке.

Нет, не выжить ему было. Один, запутавшийся в снастях, обессилевший после своего первого и, судя по всему, последнего магического поединка…

Прости, Вэйр. Ты потратил всю магию на нас, но сам спастись не сумел. Или же просто не захотел? Я этого уже не видел. Знай, что только благодаря тебе Мира осталась жива. И покойся с миром, мальчик: ты сделал все, что хотел.

Даст прерывисто вздохнул, стараясь не думать о парнишке, которому тоже был обязан жизнью, а потом заметил нечто странное и невольно замедлил шаг.

Не успевающая за ним Мира… а шагал он широко, быстро… ухватила его за руку и устало прижалась. Но южанин словно не заметил – напряженно всматривался вдаль, силясь что-то разглядеть в показавшейся впереди горе мусора, водорослей и тины. А потом внезапно вскрикнул и почти бегом кинулся в ту сторону, бормоча под нос что-то неразборчивое и, кажется, даже ругаясь.

Мира удивленно замерла, когда смуглокожий нахибец вдруг упал на колени и торопливо заработал руками, разрывая мокрый песок. Наконец высвободил из-под него чье-то неподвижное тело, обхватил безвольно мотнувшуюся голову с потемневшими от воды, спутанными, но все еще довольно светлыми волосами.

На мгновение неверяще всмотрелся в обескровленное лицо и с неимоверным облегчением выдохнул:

– Хвала Всевышнему… живой! Вэйр… Вэйр, ты меня слышишь?!

Блаженная тишина. Густая темнота, которая ласково обнимает со всех сторон. И уютное ложе, которое словно создано для того, чтобы никогда с него не вставать.

Вот только она не чувствует тела. Не ощущает подушки из трав и прошлогодней листвы. Не двигается. Почти не дышит. И не слышит ничего, кроме доносящегося откуда-то издалека биения чьего-то огромного сердца.

Она просто лежит в чьем-то гигантском нутре, как в удобной колыбели. Но в то же время живет и видит странные сны.

День… ночь, с завидным постоянством сменяющие друг друга. Солнце и луну, день за днем проходящие по небосводу утомительно долгий путь.

Она часто видит, как проливной дождь с силой обрушивается на городские крыши, яростно молотя по черепице крупными частыми каплями. Видит, как вскоре его сменяет ласково улыбающееся солнце, играющее яркими лучиками на голубой ленте вьющейся на горизонте реки.

Порой перед ее глазами проносятся шумящие леса, кажущиеся необъятным зеленым морем. Иногда среди них встречаются небольшие островки – рощицы, прогалины, поляны и даже пашни, за которыми виднеются старые, подчас заброшенные кладбища. А также – города, деревни и села, где кипит смутно знакомая, но малопонятная для нее жизнь.

Почти каждый день перед ее мысленным взором проходят сотни лиц, меняющиеся в одночасье, как странные, чуждые ее пониманию картинки. Старые, молодые… красивые и уродливые… они следуют друг за другом так быстро, что их совершенно невозможно запомнить. Но, если хотя бы на мгновение заглянуть им в глаза, то можно увидеть целую жизнь, а затем прожить от самого первого вдоха вплоть до последнего стона. И погрузиться в

нее с головой, забывая о том, что на самом деле это всего лишь красочный сон.

Она совсем не боится заглядывать в чужое прошлое и часто видит, как абсолютно чужие ей люди живут, что-то строят, а затем почему-то рушат… сражаются, мирятся… порой лгут, хитрят, глумятся друг над другом. Куда-то бегут, постоянно опаздывая. Что-то делают, суетятся, болеют. А затем все равно умирают, нередко не закончив и десятой доли того, что хотели бы совершить.

А еще она слышит голоса. Иногда приятные и радостные. Иногда, напротив, холодные и злые. Которые то визгливо кричат, отчаянно споря, то болезненно стонут или даже что-то жарко шепчут друг другу, вероятно, считая, что никто этого не услышит…

Вокруг нее не жарко, не холодно. Не светло, но и полной темнотой это тоже назвать никак нельзя. Ветра нет. Дневной свет не раздражает ее своей излишней навязчивостью. Зато повсюду, куда ни глянь, вьется плотный туман, обволакивающий тело и душу. Странный лиловый туман, который постепенно забирается внутрь и сворачивается клубком там, где когда-то билось живое сердце. Осторожно и постепенно, словно боясь навредить, он с каждым вдохом становится все плотнее и ближе. А иногда начинает мерно пульсировать, подчиняясь все тому же настойчивому ритму, благодаря которому существует все живое. И лишь иногда расступается, позволяя уставшему от неподвижности телу немного пошевелиться. Помогает расправить руки, повернуть голову с выцветшими, поблекшими без живительного солнечного света волосами. Дает возможность глубоко вдохнуть, но вместе с дыханием и сам возвращается, постепенно проникая все глубже и глубже.

Не жизнь и не смерть.

Не боль и не радость.

Не лето, не зима.

Нечто странное творится вокруг неподвижно лежащей девочки. Она вроде спит, но глаза ее широко раскрыты. Тихонько дышит, но в этом дыхании нет четкого ритма – оно то редкое, как у залегшего в спячку медведя, то слишком частое, как у удирающего от опасности мышонка.

Ее не тревожат опадающие с огромного Дерева лиловые листья. Ее не способны разбудить ни бури, ни грозы, ни дожди. Она безмятежно спит в колыбели Мира. Всего лишь маленькая девочка, для которой в тишине так размеренно и тихо бьется далекое, но такое родное Сердце…

Господин Лоур аккуратно прикрыл дверь лечебной комнаты и озабоченно нахмурил седые брови. В ту же секунду в коридоре раздался звук быстро приближающихся шагов, а потом рядом с маленьким целителем возникла, словно из пустоты, густая черная тень.

– Как она? – негромко спросил Викран дер Соллен.

– Плохо.

– Стало хуже?

– Нет, – поджал губы господин Лоур. – Но и улучшений никаких. Она не встает, не говорит, ни на что не реагирует и почти не дышит.

– А метаморф?

– Аналогично.

– Лер Альварис будет недоволен, – задумчиво обронил боевой маг. – Ему нужна эта девочка. Очень. И желательно живой.

– Да как вы смеете?! – неожиданно взвился почтенный лекарь. – Она умирает прямо у вас на глазах, а вы говорите, что это всего лишь «нехорошо»?! Что вы с ней сделали, что ее аура стала похожа на решето?! Что сотворили, раз она не хочет жить?! Чем ударили, если у нее нет сил даже на то, чтобы принять мое лекарство?!

Викран дер Соллен нахмурился.

– У нее все в порядке с аурой. Я проверял.

– Ах, проверяли?! – окончательно взбеленился господин Лоур и гневно тряхнул бородой. – И что же вы выяснили, хотел бы я знать?!

– Что аура у нее в полном порядке.

– Правда-а-а?! – ядовито прошипел старый маг. – А знаете ли вы, что ее аура выглядела точно так же в тот день, когда она приходила ко мне на осмотр месяц назад?! Знаете ли вы, мастер, что с того дня в этой ауре не изменилось ни единого лучика?! Может, вы мне ответите, как это возможно?! И, может, скажете тогда, почему ваша ученица лежит за этой дверью и доживает свои последние дни?!

На бесстрастное лицо Викрана дер Соллена словно облачко набежало. Синие глаза потемнели, взгляд метнулся в сторону двери, на высоком лбу пролегла глубокая морщинка, а глаза недобро сузились.

– Вы хотите сказать, что я ошибся?

– Да, демон вас разбери! – рявкнул выведенный из себя лекарь. – Да! Я и без вас знаю, что ее аура выглядит нормально! Но, хвала Всевышнему, я больше полувека занимаюсь лекарским делом, поэтому в состоянии понять, что это всего лишь обман! На самом деле от этой ауры остались одни клочья, рваная тряпка, жалкие обрывки! И то, что я этого не вижу, вовсе не означает, что этого нет!

Боевой маг нахмурился еще сильнее и, распахнув дверь, бесцеремонно вошел внутрь. Молча приблизился к постели, склонился над неподвижно лежащей ученицей, цвет кожи которой почти не отличался от белоснежной простыни, накрывшей ее тело и отдаленно напоминающей саван.

Но Айра не открыла глаза. Она действительно едва дышала. Скулы на ее лице заметно заострились, губы стали совсем бескровными, кожа почти просвечивала насквозь, светло-серые волосы густой волной легли на подушку, но сейчас их не красила даже яркая лиловая полоса на макушке.

Свернувшийся клубком у нее на груди крыс тоже не отреагировал на появление чужака. И выглядел слабым, исхудавшим, совсем не похожим на того дерзкого зверя, который был готов броситься на целую стаю виаров. Его серая шерстка

свалялась комками, длинный хвост бессильно свесился на постель. Глаза были закрыты. Маленькие лапки поджались к брюшку, словно он постоянно мерз. И если бы не частые движения грудной клетки, можно было бы с уверенностью сказать, что он мертв.

Маг с ходу просканировал ауру девушки, тщательно проверил ее цвет, форму, даже ширину и прикусил губу.

– Аура цела, – сухо бросил он за плечо. – Они не должны умирать. Она цела у них обоих. Точно так же, как и два дня назад.

– Как месяц назад! – раздраженно бросил господин Лоур, вставая рядом. А затем провел раскрытой ладонью над головой Айры и, дождавшись, пока в воздухе проступит зеленоватое свечение, недовольно фыркнул: – Именно то, о чем я вам и говорил: никаких изменений. Вы, лер, может, и не лекарь, хотя, готов признать, многое постигли в моем искусстве, однако даже вам должно быть ясно, что картина этой ауры совершенно не соответствует реальному положению дел!

Мастер Викран странно поджал губы.

– Иллюзия?

– Нет, – немного успокоился лекарь. – С иллюзией я бы сам справился, да и вы бы ее не проглядели. Создается впечатление, что кто-то изменил ее щит таким образом, что он перестал показывать настоящую ауру – хорошую или плохую. И теперь невозможно сказать, что же с ней происходит на самом деле. Щит, как вы понимаете, убрать не удастся – он слишком прочно связан с даром, а гадать на чаинках…

– Она не могла этого сделать, – недоверчиво покосился дер Соллен.

– Нет. Безусловно, это работа архимага.

– Но лер Альварис не стал бы…

– Вы уверены? – пристально взглянул старый лекарь, и боевой маг снова нахмурился.

– С некоторых пор я уже ни в чем не уверен.

– Что вам о ней известно?

– То же, что и вам, – буркнул мастер Викран.

– В таком случае, лер, основываясь на своем опыте, должен сообщить, что у нас большие проблемы: эта девочка, вероятнее всего, почти сгорела.

Боевой маг едва заметно вздрогнул.

– Я говорю «почти», – ровно пояснил лекарь, – лишь потому, что ее щит все еще работает. Если бы он погас, это значило бы, что дар истощился и вернуть его, скорее всего, нам не удастся. Но поскольку он достаточно силен, чтобы мне, да и вам тоже, сопротивляться, то можно сказать, что аура, хоть и подверглась сильному истощению, все же способна восстановиться. Вернее, пока способна.

Старый маг пристально взглянул на неподвижное лицо мастера Викрана.

– О причинах подобного состояния, лер, я спрашиваю именно вас и именно потому, что это вы принесли мне ее два дня назад. И именно вы были рядом в тот момент, когда метаморф – надеюсь, вы знаете почему – решил не только принять новый облик, но и каким-то чудом не сошел после этого с ума. Более того, мне совершенно непонятен факт, каким образом он все-таки удержался от атаки. И почему на моем попечении оказалась всего одна ученица, а не целый класс, который находился в тот момент в опасной близости. Это, в свою очередь, наводит меня на неприятную мысль, что вы не все мне рассказали, лер. И связь Айры и Кера гораздо теснее, чем все предполагали. Иными словами, пострадали они примерно в одинаковой степени. В одно и то же время. От одного и того же заклятия. И для того, чтобы сделать правильный прогноз их общего состояния, достаточно лишь посмотреть на метаморфа. А его здоровье, увы, оставляет желать лучшего.

Мастер дер Соллен кинул взгляд на тяжело дышащего крыса и помрачнел: Кер действительно выглядел скверно. Он настолько ослаб, что возникали большие сомнения в его жизнеспособности. Но, что самое плохое, за эти два дня его состояние изменилось в худшую сторону.

– Что вы хотите сказать? – внезапно охрипшим голосом спросил боевой маг.

Господин Лоур невесело улыбнулся.

– Если эта девочка не очнется в ближайшие сутки, ее метаморф, скорее всего, погибнет, поскольку отдает все свои силы, чтобы она жила. И он будет делать это ровно до тех пор, пока жив сам.

Боевой маг вскинул недобро загоревшийся взгляд.

– Как вы понимаете, у них не осталось никакого резерва, – вздохнул старый лекарь. – Он отдал ей даже то, что сумел накопить за время, пока они были вместе. То, что понемногу забирал на такой вот непредвиденный случай. А теперь отдает уже свои жизненные силы, которых, как вы понимаете, осталось немного. И так как основной его пищей была и остается магия, то, сколько бы мы ни пытались его поить или кормить, толку с этого не будет. Точно так же, как бесполезно пытаться разбудить его хозяйку: девочка просто не выдержит. Единственное, что я могу для нее сделать, – это погрузить в еще более глубокий сон, в надежде, что она найдет где-то силы для восстановления.

– А если попробовать подпитать ее снаружи?

– Щит, – напомнил господин Лоур. – На данный момент я не могу преодолеть его без вреда для девочки: слишком высок риск ухудшить ситуацию. К тому же он крайне избирателен – пропускает лишь метаморфа. И у меня нет уверенности, что это заклинание не затрагивает жизненно важные сферы ее дара и при малейшей дестабилизации дара не ускорит процесс умирания. У меня связаны руки, лер. Остается сидеть у постели девочки и любоваться на эту грешную иллюзию до тех пор, пока она не исчезнет. А когда это случится, делать что-либо, скорее всего, будет поздно.

– Она не должна умереть, – деревянным голосом сказал дер Соллен.

– Да. Я знаю, наш директор в ней очень заинтересован.

– Не только он.

– И правда, – неожиданно хмыкнул господин Лоур. – Видимо, девочка настолько ценна, что сам лер Легран снова соизволил ее навестить и поинтересоваться ее самочувствием.

– Он приходил сюда? – отрывисто спросил Викран дер Соллен и так резко развернулся, что низенькому лекарю пришлось отступить, чтобы его не смело в сторону.

– Да. Вчера. И сегодня тоже.

– Она на него отреагировала?

– Нет.

– Почему вы не известили меня?

– А разве в этом была необходимость? – нахмурился лекарь. – Что бы это изменило?

– Он пытался что-нибудь сделать? – словно не услышал его маг.

– Конечно. Мы потратили несколько часов, чтобы привести в чувство хотя бы метаморфа. Эльфийская магия, знаете ли, на многое способна, а наш коллега считается неплохим мастером в этом вопросе… хотя, признаться, меня немало удивила его заинтересованность. И особенно то, что лер Легран был готов попробовать даже прямое заимствование.

Дер Соллен нехорошо улыбнулся.

– Почему же вы этого не позволили?

– Потому что, – буркнул мгновенно насупившийся целитель, – никто не знает, как отзовутся последствия этого заклинания даже для опытного мага. А девочка и без того слаба. Мало радости, если она выживет, но сойдет с ума или останется бесконечно несчастной.

– Что еще можно сделать?

– Ничего. Все что мог, я уже сделал. Лер Легран тоже попытался, но безуспешно – щит его не пропустил. На близость к источнику она тоже не отреагировала. На голос и контакт с чужой аурой – тем более. Метаморф иногда пробуждается, но очень ненадолго: его сил едва хватает, чтобы сменить позу и вернуться туда, где вы его сейчас видите. Хотя, на мой взгляд, от него было бы больше пользы, если бы он лег в районе живота.

Мастер Викран чуть сдвинул брови.

– Возможно, он лучше нас знает, что делает.

– Возможно, – неохотно согласился лекарь. – Но пока мне нечем вас порадовать. Если лер Альварис заинтересован в судьбе своей ученицы, то я бы настоятельно порекомендовал ему вмешаться.

– Лер Альварис отбыл по делам.

– Очень некстати, – довольно сухо отозвался на это известие господин Лоур. – Он мог бы доложить о случившемся Ковену и найти для нее более умелого целителя, чем я. Например, среди эльфов.

– Нет, – дер Соллен резко отвернулся. – Этого он сделать не может: Ковен не допустит присутствия в академии метаморфа. Тем более такого, как этот.

– Значит, он умрет. А вместе с ним умрет и она. Впрочем, если у вас есть хоть какой-нибудь вариант, я готов выслушать любое предложение.

Боевой маг снова повернулся к неподвижно лежащей девушке: с того момента, как он нашел ее во внутреннем дворе академии – такой же слабой и бледной, – не изменилось ничего. Только черты ее лица еще больше заострились да

дыхание стало гораздо реже.

Тогда он еще подумал, что в момент нападения на метаморфа она просто спала в своей постели и видела красивый сон. Чудесный, необычный, удивительный сон, в котором было так много от настоящего.

Быть может, она и не подозревала, что на самом деле встретила той ночью виаров и вампов. И не догадывалась, что за спутник ей достался. И хоть волчица Кера действовала вполне осмысленно, в ее поступках было больше звериного умения убегать, прятаться и путать следы. Так что, когда ее разозлили и напугали, она просто растерялась. А увидев стаю волков, решила, что пришла пора защищаться.

Он устало прикрыл веки.

Нет, не мог он понять, почему все так вышло. Как он не распознал в никсе крохотную искорку человеческого разума? Почему упустил, не почуял? Да, он не ждал от Кера такой прыти. Даже подумать не мог, что под личиной крысы искусно прятался взрослый, обученный и очень сильный метаморф. Да, такого не могло да и не должно было случиться. Однако все же случилось. И этого он тоже не понимал.

Викран дер Соллен снова вздохнул.

Но почему же ее увидел и понял старик Борже? Почему рискнул обратиться напрямую к ней, Айре? К единственному существу, которому было под силу остановить боевого метаморфа? Как вышло, что он сумел ее убедить?

Маг наклонился к самому лицу ученицы и что-то тихо шепнул.

– Она вас не слышит, мастер, – сокрушенно вздохнул господин Лоур. – Здесь нужен источник, но не простой – простых у меня как раз хватает, – а такой, чтобы ее щит его принял. Чтобы родной ей был по духу, по крови, по происхождению…

– Что вы сказали про источник? – неожиданно вздрогнул Викран.

– Айра истощена, – терпеливо повторил лекарь. – И я испробовал все возможные источники, что только есть в академии, включая небезызвестный вам Ключ, однако ее щит их не принимает. В этом ведь и есть главная проблема.

– Источник… – Дер Соллен замер, словно вспомнив о чем-то важном, а потом подхватил ученицу на руки и, переложив метаморфа себе на шею, вскинул на коллегу загоревшийся взор. – Кажется, я знаю, где ее источник!

Внутренний двор академии был погружен в темноту: по распоряжению директора свет магических фонарей гасился сразу после вечернего гонга, то есть где-то около полуночи. С этого времени адептам строго запрещалось покидать жилые корпуса, однако Викран дер Соллен об этом уже не думал.

Дойдя до оранжереи – единственного светлого пятна во дворе, – он ногой распахнул стеклянную дверь, предусмотрительно сняв с нее охранное заклятие, а затем быстрым шагом двинулся в самый дальний угол, в котором надеялся отыскать единственное спасение для умирающей ученицы.

– Должно сработать, – пробормотал он, кинув встревоженный взгляд на безвольно обмякшую девушку. – Один раз помогло. Должно помочь и сейчас. Если бы учитель был здесь, можно было попробовать по-другому, но его нет, а за каждую смерть отвечать все равно придется мне, так что днем раньше или позже… Айра?

Магу вдруг показалось, что ее ресницы чуть дрогнули.

– Айра?! Ты меня слышишь?

Тяжело вздохнув и поняв, что это просто игра тени и света, маг со смешанным чувством подобрал ее светлые волосы, чтобы не испачкались в земле. На мгновение коснулся щеки, неуверенно замер. Затем покосился в сторону, когда краем глаза отметил какое-то движение, но снова ничего подозрительного не увидел и, некрасиво помянув про себя упрямую травницу с ее привередливыми любимцами, двинулся дальше.

Нужное растение он нашел быстро – Иголочка уже давно возвышалась над своими соседями, упираясь лиловыми верхушками в потолок. Она повзрослела, раздобрела и обзавелась невероятно длинными, смертельно опасными колючками, способными насквозь проткнуть незадачливого вора, вздумавшего выкрасть у нее драгоценное семечко.

Викран дер Соллен чуть не споткнулся, когда увидел, во что превратилась Айрина Иголочка. А потом споткнулся второй раз – о пустое ведро, забытое на дороге рассеянной травницей.

– Тьфу! – зло сплюнул маг, едва не упав на колени. После чего прерывисто вздохнул и наконец осторожно протянул к игольнику раскрытую ладонь.

При виде ночного гостя Иголочка замерла, словно тоже узнала – и своего несостоявшегося убийцу, и тяжело дышащую хозяйку. А затем медленно, с угрозой приподняла многочисленные ветви и развернула длинные иглы. Словно говоря: не смей…

Маг напрягся, когда в его сторону дернулось сразу несколько десятков колючек с верхних ветвей. Безошибочно разглядел на кончиках крохотные желтые капельки. Почти ощутил, что эти иглы готовы не только его ударить, но и выстрелить на приличное расстояние. Однако не отступил – с мрачной решимостью стер краешек светящейся в темноте линии и осторожно протянул свою ношу.

– Помоги!

Она снова была в объятиях смертоносного игольника. Видела, как с бешеной скоростью мелькали перед лицом его лиловые листья. Помнила чувство стремительного движения, уносящего ее в неведомые дали. Как раз за разом передавали ее тело жесткие руки-ветки молчаливым и таким же колючим соседям. Пока наконец выглянувшая из-за туч луна не осветила крону древнего, поистине божественного Дерева.

Потом была пустота. Тишина. Уютная постель, заботливо устланная мягкой листвой. Снаружи безмолвными стражами возвышались огромные деревья, переплетясь ветками и тесно сдвинув вылезшие из-под земли толстые корни. За

ним виднелась бесконечная чаща, где синей лентой вилась бурная речка.

А если подняться повыше, под самое небо, как это делают птицы, то становится видно, как вокруг игольника такой же могучей стеной, как вторая стража, стоят уже другие леса – широкие, темные, неприветливые… Охранные. И лишь после них природа постепенно меняется, окончательно теряя угрожающую лиловую окраску, словно бы отгороженное от всего остального мира Дерево посчитало, что на этих границах чужаки ему не страшны.

Однако даже так, находясь между четырьмя королевствами, отгородившись от них лесами, полями, реками и порогами, нет-нет да и пробивалось наружу негромкое биение огромного Сердца. Нет-нет, да и расходились от него волны невидимого тепла, словно кровь, бегущая по жилам и дарующая благословенную жизнь…

Если же подняться в небеса еще выше и оставить Занд крохотной сиреневой точкой на теле громадного материка, станут видны Холодное и Теплое моря, омывающие его с трех сторон. Покажется море Внутреннее, граничащее с севера с Редколесьем, а с юга – с дальними окраинами побережья Нахиб. Можно будет увидеть далекие Северные горы, облюбованные гномами, Восточный и Западный леса, издавна занятые Высоким народом. Сами четыре королевства, раскинувшиеся вокруг дарующего жизнь центра: Аргаир на юго-востоке, Лигерия на северо-западе, холодный Иандар, граничащий с гномьими катакомбами и Вольными землями; а еще – жаркий Карашэх, упирающийся на западе в Нипар и родину виаров – Сольвиар, а на южной границе – в душную пустыню Меру.

Все становится видно с высоты. Если, конечно, ты умеешь летать или смотришь на мир глазами парящего под облаками орла. Даже бесконечно высокие Снежные горы, разделившие Аргаир и Редколесье. А в них – мрачную каменную башню, затерянную в снегах и непролазных скалах…

Башня высока, как кажется орлу. Высока настолько, что он не рискнет пролететь над ее верхней точкой. И она совершенно недоступна простому смертному, потому что вокруг нет дорог, по которым можно было бы к ней подойти. Однако она не пустует, нет: над одним из окон вьется сизый дымок, возле другого колышется на ветру занавеска, во внутреннем дворе готовятся к чему-то одетые в теплые одежды люди, а где-то под крышей, замерев неподвижной статуей, стоит на площадке закутанный в темные одежды человек. Стоит, как слепой,

невидяще глядя вперед, и кричит странные в этих снегах слова, от которых дрожит потревоженный воздух и стонет покрытая снегом земля.

– Аорроэ ивиро гаэмо… аорроэ ивиро талэ… аорроэ ивро итэ!.. Аторэ!

Орел с испуганным клекотом шарахается в сторону, когда из рук мага выстреливает длинный клок белесоватого тумана. А затем с криком бросается прочь, потому что мигом позже туман сплошной завесой скатывается на крутые горные склоны, поглощая все на своем пути.

Едва коснувшись его крылом, орел начинает падать, не в силах бороться с внезапно накатившей усталостью. А рухнув на острые скалы, с хрустом ломает крылья и замирает, еще не понимая, что уже мертв. Тогда как туман расползается все дальше и дальше. Слетает невидимой смертью, неслышной поступью приходит на сонные равнины, касаясь самым краешком мирно спящих деревень…

Айра в ужасе закрывает глаза, а потом рвется прочь из своей колыбели. Стонет от внезапно вернувшихся воспоминаний. Страстно желает спуститься вниз, предупредить, остановить неумолимо приближающуюся смерть, а потом с силой проламывает кору, выпадая из ее уютного кокона, словно новорожденная бабочка. И бежит, бежит, бежит, позабыв про опасность и не замечая, как расступаются перед ней травы. Как смиренно склоняется смертоносный игольник и как незаметно касается ее светлых прядей шипами, покрывая их густым соком и оставляя на ее растрепанных волосах влажные лиловые полосы…

Когда она открыла глаза, было уже светло.

Айра неуверенно пошевелилась, с недоумением оглядывая белые стены и бесконечно далекий потолок. Ощутила аромат целебных отваров, услышала приглушенное пение птиц за окном, почувствовала на лице легкий ветерок и отрешенно подумала, что когда-то уже испытывала нечто подобное.

Этот необъяснимый полусон-полуявь, в котором ты вроде живешь и чувствуешь, но при этом тело будто бы двигается само по себе. Мысли вялые и путаные, желаний никаких нет, в груди поселилась тоскливая пустота, а какая-то часть

тебя словно наблюдает за всем со стороны.

– Доброе утро, – негромко поприветствовали ее, и Айра, с трудом повернув голову, увидела возле открытого окна, за которым только-только начинался день, весьма необычного посетителя, которого никак не ждала здесь встретить. – Как самочувствие?

– Лер Легран?

Эльф легко поднялся с плетеного креслица, в котором дожидался ее пробуждения, подошел и осторожно придержал за плечо, когда девушка попыталась сесть.

– Не надо, лежи. Ты слишком слаба.

Айра все так же отрешенно отметила, что он почему-то перестал выкать, но послушно легла: ни спорить, ни сопротивляться, ни делать что бы то ни было ей не хотелось.

Просто не было сил.

Она только прижала к груди слабо пискнувшего крыса, который открыл глаза одновременно с хозяйкой, и устало опустила веки, смутно припоминая, что случилось в последние дни: свои прогулки, виаров, Дакрала, его мгновенную и блестящую ложь, отсрочившую встречу с Викраном дер Солленом на целые сутки, самого мага в обличье громадного волка, свою злость, быстро перешедшую сперва в недоумение и испуг, а потом в мрачную решимость. Наконец, безумную тяжесть, постепенно вбивающую ее в землю, и гневный рык взявшего верх метаморфа, готового сражаться за себя и хозяйку до последнего.

– Сколько я?.. – хрипло спросила Айра.

– Сегодня неделя, – удивительно мягко отозвался учитель. – А ты думала? Вы с Кером совсем истощились со своими экспериментами и оказались почти на грани. Надо же было сообразить начинать слияние без опытного наставника… – он сокрушенно покачал головой. – Айра, разве можно так рисковать?

– Я не знала, – прошептала она, вспоминая последний день в лесу у виаров. – И не думала, что за это будет такая расплата.

Да, ярко горящие глаза Викрана дер Соллена ей, наверное, никогда не забыть. Как и то, с какой невероятной настойчивостью он пытался до нее добраться. Как упорно преследовал, выискивал, вынюхивал и выслеживал. Крался по пятам, ставя коварные ловушки. А когда все-таки нашел…

Айра устало отвернулась, не желая больше вспоминать его лицо. Не имея сил, чтобы забыть о похожем на него звере, облик которого он не имел никакого права на себя примеривать. Потому что тот зверь был теплым, надежным, живым. Он понимал и умел сочувствовать. А мастер Викран украл эту личину-образ и незаслуженно присвоил. Как будто предал его память.

Он, может, и не знал об этом, но Айра не хотела помнить. И мечтала, чтобы в памяти остался лишь тот, самый первый, умеющий чувствовать и понимать зверь, с которым бездушному магу было не сравниться.

– Айра, ты меня слушаешь? – напомнил о себе лер Легран, и она неохотно повернула голову. – Между прочим, лер Альварис пришел в ярость, когда узнал, что ты с собой сотворила. Знаешь, какой поднялся переполох, когда выяснилось, что ваше слияние с Кером бездарно упустили, а ты оказалась так беспечна, что рискнула объединить ваши сознания? Это же работа для старших курсов. Для опытных магов, а у тебя всего два месяца как открылся дар! Он нестабилен, а значит, и опасен. Не говоря уж о том, что твой метаморф совершенно не имеет опыта!

Девушка горько усмехнулась: значит, вот как дер Соллен представил случившееся? Значит, это я рисковала? Я слишком смело экспериментировала и поэтому истощилась? Бездумно меняла облик, неразумно тратила силы, а потом сотворила с собой то, что есть сейчас? Эту безумную слабость, дикую усталость, страшную ломоту в теле и бесконечное желание заснуть, чтобы никогда больше не проснуться? Выходит, это все моя вина, а он совершенно ни при чем?

Айра измученно сглотнула.

– Да… конечно… а где Кер?

Ей в лицо тут же ткнулась острая мордочка, умильно заурчав и проникновенно заглянув в глаза. Но девушка только вздрогнула, увидев его плачевный вид, и со стыдом подумала, что этого могло бы и не произойти. Если бы она остановилась раньше, если бы не растерялась, если бы так искренне не захотела ударить Викрана дер Соллена.

Говорил же Марсо, что метаморф будет в первую очередь слушать ее мысли, а не слова. Предупреждал, что надо сдерживать эмоции, чтобы не получить однажды свежий труп только потому, что какой-то разиня имел неосторожность наступить ей в толпе на ногу.

Всевышний… она слишоком разозлилась, когда увидела торжествующую усмешку дер Соллена. Испугалась, не разобравшись в обстановке, и приняла поведение стаи за попытку нападения. А потом разозлилась снова. Да так, что Кер не просто услышал, а принял за приказ. После чего занял тело волчицы полностью и бросил все силы на то, чтобы ее защитить.

Кер ласково лизнул руку расстроенной хозяйки, словно говоря, что сделал бы это снова, если бы пришлось. Что он не жалел, не боялся, не собирался бежать. А если и сокрушался, то лишь о том, что не рассчитал ее силы. Свои-то возможности он знал хорошо. Как и то, что никса для него – не самый ужасный облик.

Айра со стыдом прижала его к груди.

– Прости, мой хороший, это моя вина.

– Ты могла погибнуть, – сердито фыркнул эльф. – И он, между прочим, тоже. Конечно, Альварис отчитал нашего «боевого» умника так, что тут стены дрожали, да еще заставил его помогать Лоуру. Так что дер Соллену хотя бы раз в жизни пришлось смирить гордыню и здорово повозиться. С тебя, конечно, спросу никакого, потому что ты не могла знать подобных вещей, в связи с чем наказывать тебя, разумеется, никто не будет. А вот ему влетело за недосмотр. Хотя я все равно считаю, что этого недостаточно…

Она слабо улыбнулась, смутно про себя удивляясь.

Странно, что лер Легран был рядом. Пытался помочь, ободрить. Искренне беспокоился, сочувствовал, переживал… Просто удивительно для эльфа. Даже не верится, что он на самом деле оказался таким человечным.

Эльф вдруг беспокойно дотронулся до ее руки.

– Айра, ты как себя чувствуешь?

– Ничего страшного, лер, – прошептала девушка. – От смерти никому не уйти, и на самом деле это не так ужасно, как кажется. К тому же она, как говорят, не приходит дважды, а я уже один раз умирала, так что… не стоило вам волноваться. Она все равно на меня не позарилась.

Лер Легран непонимающе нахмурился, но Айра уже отвернулась и измученно уронила голову на подушку, медленно шевеля губами, словно в бреду. Ее неподвижный взгляд и подавленность, тщательно скрытая за внешним безразличием, ему не понравились. Однако он еще не забыл, в каком состоянии ее сюда принесли, и, подумав, списал это на истощение. После чего упруго поднялся, хотел что-то сказать, но быстро понял, что она снова уснула, и вышел, аккуратно прикрыв за собой тяжелую дверь.

Оставшись в одиночестве, Айра сжалась в комок и, прижавшись щекой к Керу, тоскливо вздохнула.

На душе было так плохо, что хоть волчицей вой. Но одновременно и так пусто, что казалось – этой души просто нет. Совсем ничего нет, кроме застарелой боли в груди, горьких воспоминаний и осознания собственного, жуткого, почти бесконечного одиночества.

– Вот так, Кер… Наверное, так было нужно, чтобы я лишь сейчас окончательно все вспомнила?

Крыс сочувственно ткнулся носом в ее шею.

– Да, ты прав, – грустно улыбнулась она. – Если бы я узнала сразу, то, скорее всего, не стала бы жить. Страшно оставаться живой, помня о том, как уже умирала. Но, оказывается, когда тебя безуспешно убивают дважды, не так-то

просто уговорить смерть вернуться в третий раз. Как думаешь, она меня сейчас слышит?

Метаморф заскулил, стараясь отогнать от хозяйки эту жутковатую апатию. Он чувствовал ее боль, тоску, пугающее равнодушие к дальнейшему будущему. Ему не нравилось, что она снова замкнулась в себе, и его тревожила ее безучастность. Нехорошо. Так не должно было случиться. Она ведь сильная, она может справиться. Может подняться и снова жить…

Однако Айра не хотела.

И видеть никого не хотела тоже. Как, впрочем, и слышать, и чувствовать, и просто вспоминать. А еще она не хотела больше жить чужой жизнью. С гнетущей пустотой на месте разбитого сердца и тысячами воспоминаний о чужих, пусть даже и счастливых, судьбах. Просто потому, что понимала: своей судьбы у нее, видимо, уже никогда не будет.

Да и какая судьба может быть у мертвых?

– …Мама, мама! Дай мне леденец!

– Нельзя, родная. Ты уже съела два. Оставь этот брату. Ты же не хочешь его обидеть?

Мама… какая же она красивая! Длинная золотая коса, ниспадающая на спину, родное лицо, теплая улыбка, бездонные и полные любви глаза… а рядом идет отец – невероятно сильный, могучий и всегда уверенный в себе. Рядом с ним нигде не страшно. Даже в огромном городе, где так много опасностей.

– Нет, мама, – вздыхает Айра, оглядываясь на спящего на руках отца мальчонку. – Не хочу. Он же совсем маленький…

– …Пойдем! Ну пойдем же, посмотрим на магов! – жалобно просит большеглазый пацан, с удивительной силой потянув ее за руку. – Когда еще увидим? Мама сказала, они только раз в год приезжают! А вдруг они найдут у меня магию?

Айра, ну пойдем?

Айра вместо ответа прижимает брата к себе и пятится в придорожные кусты, не отрывая взгляда от окон таверны, в которых мелькают чьи-то лица.

– Айра, идем же! Смотри, и Бесик уже там!

Она быстро находит в собравшейся возле трактира таверны вихрастую голову цвета соломы. Замечает на мальчишечьем лице проказливую улыбку, видит целую ватагу его приятелей, упрямо пробирающихся поближе к дверям, но все равно упрямо пятится назад.

– Трусиха! – возмущенно пытается вырваться брат – такой же светловолосый, как Бесик, большеглазый, как мама, и уже сейчас очень сильный, как отец. – Пусти!

Айра сжимает зубы и, крепко держа его за руку, присаживается в траву.

– Не надо. Они мне совсем не нравятся.

– А я хочу!

– Не пущу! – испуганно вскрикивает она, но он уже не слышит – отчаянно дернувшись изо всех своих мальчишечьих сил, вдруг торжествующе смеется и бросается прочь. Назад. Туда, где только-только открывается дверь таверны и откуда показываются закутанные в длиннополые мантии трое сурового вида мужчин…

На отчаянную возню в кустах народ у таверны удивленно оглядывается, но быстро отворачивается, приняв спрятавшихся детей за дерущихся псов, коих всегда возле домов носилось немало.

Самое интересное сейчас начнется. Вдруг у кого из деревенских обнаружится дар? Ковен не зря каждый год посылает гонцов во все стороны света. Не зря они заезжают во все уголки четырех королевств в поисках одаренных детей. Говорят, если кому-то повезет, то его отправят в Лигерию – главную обитель магов. И тогда счастливый избранник никогда и ни в чем не будет знать нужды.

Возня в кустах внезапно затихла, но никто не обратил на это внимания – все с жадным любопытством смотрели на руки одного из пришельцев, в которых начал разгораться волшебный огонек. А когда его свет залил весь двор, пройдя через человеческие тела насквозь, за плетнем кто-то испуганно ахнул, а другой голос торжествующе прошептал:

– Я же тебе говорил!

…И снова – тот жуткий вечер, после которого вся ее жизнь резко переменилась. И снова родители лежат на холодном полу, мертвыми глазами глядя в беленый потолок.

Они не двигаются, не говорят. Рядом с ними так же страшно лежит израненный братишка. А над ним, низко наклонившись, стоят две рослые тени в плащах и, купая ноги в густом тумане, задумчиво смотрят на его окровавленное лицо.

Потом – короткое мгновение осознания. Испуганный вздох, тихий вскрик, которому вторят злые голоса со спины. Стремительный бег. Череда вспышек, после каждой из которых окружающий лес неуловимо меняется. Изумленные глаза огромного волка, на которого она падает с разбегу. Мгновение ошеломленного молчания, неуверенное касание, испуганный шепот. Затем – быстрый рывок и новый бег, уже на теплой и мохнатой спине…

А потом он тоже гибнет. Корчится от боли у ног ухмыляющихся наемников. Из последних сил бросается на них, пытаясь отвести нацеленную стрелу. Но не успевает. Падает. Отчаянно воет, бессильно царапая землю когтями. И может только с отчаянием следить, как она бьется в объятиях игольника.

Да, так было. Она все это прекрасно помнит. До сих пор слышит по ночам его предсмертный вой и горько жалеет о том, что стала тому причиной.

В какой-то момент она страстно желает об этом забыть, и игольник милосердно дает ей эту возможность. А его яд, просачивающийся сквозь многочисленные ранки, постепенно туманит голову, разбивает, словно старое зеркало, ее прежнюю жизнь, после чего осторожно передает в теплое нутро вечно живого и вечно молчащего Дерева, в утробе которого ее пробитое сердце в какой-то момент снова начинает медленно биться…

Как Айре ни хотелось остаться одной, но уже на следующее утро в комнату бодрой походкой зашел господин Лоур и с порога заявил, что дела у нее пошли на лад.

Потом внимательно осмотрел безучастно кивнувшую пациентку, повертел, как куклу, что-то побормотал, подумал. Попытался изучить ее ауру и даже поинтересовался тем, кто работал раньше с ее щитом. Но ответа не получил. И через некоторое время ушел, а когда вернулся, то принялся настойчиво убеждать ее что-нибудь съесть, потому что, дескать, она сильно ослабла и нуждается в помощи.

От еды Айра отказалась – есть совершенно не хотелось. Ей вообще ничего не хотелось, кроме одного – чтобы ее оставили, наконец, в покое. Включая голоса, посетителей, расспросы и самого господина Лоура, в котором она прежде не подозревала такого рвения и столь навязчивой способности стоять над душой.

Единственное, что смогло ее по-настоящему обрадовать, это горячая вода и возможность как следует выкупаться. Которую лекарь, едва Айра высказала свою просьбу, тут же и предоставил, позволив девушке привести себя в порядок.

Однако отделаться от него так просто не удалось – спустя несколько часов маленький лекарь снова вернулся и потребовал, чтобы Айра хоть немного поела. Пришлось покорно встать и взять со стола принесенное магом яблоко. Только после этого господин Лоур успокоился и покинул комнату уже надолго, заявив напоследок, что будет очень пристально следить за процессом выздоровления.

Яблоко Айра, едва закрылась дверь, потихоньку скормила Керу. Метаморфу подобный рацион тоже не пришелся по вкусу, однако делать нечего – хозяйка слишком ослабла, чтобы подпитывать его магией, поэтому он покорно сгрыз невкусный фрукт, чтобы поддержать силы. А потом снова задремал, устроившись на груди хозяйки, которую был готов заслонить от любой опасности.

Правда, долго наслаждаться покоем им не дали – ближе к вечеру дверь снова распахнулась и пропустила внутрь еще одного гостя: Викран дер Соллен вошел так уверенно, словно имел на это право. Без стука, нимало не заботясь о том, что

закутанной в одну лишь простыню ученице может потребоваться уединение.

На боевого мага, привычно облаченного в черные одежды, Айра взглянула без всяких эмоций.

Надо же… явился… зачем? Разве он уже не все сказал в прошлый раз? Не обозначил свое отношение, когда вдавливал ее в твердую землю, собираясь полностью подчинить? Разве осталось что-то недоговоренное с того дня, когда он впервые попытался убить Иголочку? Или со дня другого, когда он точно так же попытался избавиться от метаморфа?

Он и сейчас стоял все такой же – безмолвный, отстраненный и неприступный, как морской утес. В чем-то он был даже красив – наследие Западных эльфов не могло не сказаться на его бесстрастном лице, но красота эта была какой-то неестественной и пугающей. Потому что за ней, за этой красотой, не было живого сердца. Не было души и простого человеческого тепла. Он был словно высечен из камня – твердый, с тяжелым взглядом, неприятно сочетающимся с притягательной синевой его глаз.

В то же время Айра хорошо понимала: эта неподвижность обманчива и маг способен в мгновение ока превратиться из ледяной статуи в смертоносного бойца, превосходно умеющего убивать и калечить. Наверное, проведенные рядом с Зандом годы сказались? И кажется, он совершенно не чувствовал своей вины за то, что случилось… впрочем, умел ли он сочувствовать вообще?

Едва за ним закрылась дверь, Айра равнодушно отвернулась. Не ожидая ничего хорошего, но и не переживая за вероятное плохое. Пускай. Пусть делает что хочет и говорит все, что считает нужным. Как ни странно, она не почувствовала ни злости, ни ярости, ни бушевавшего недавно бешенства. И страха перед ним у нее тоже не осталось. Только странная пустота и бесконечная усталость, с которой она даже не пыталась бороться. А еще – смутное сожаление, что в тот день, когда он ее ударил, этот удар все-таки не достиг цели. Потому что тогда, возможно, ей не пришлось бы снова на него смотреть и безразлично ждать, что же он скажет.

– Как себя чувствуешь?

Айра даже не удивилась, не услышав привычного «вы» или «леди», в котором звучала бы тщательно скрываемая насмешка. Вот так. Сухо, холодно и безразлично. Явился, взглянул, убедился, что она может сидеть, и даже не потрудился соблюсти хотя бы формальные приличия.

Она не стала поворачивать голову, чтобы в этом убедиться, и коротко бросила:

– Жива.

К этому же человеку она не испытывала ни уважения, ни почтения, ни благодарности. А если честно, то и вообще ничего не испытывала, словно его здесь вовсе не было.

Однако маг, если и заметил, не подал виду.

– Лер Лоур считает, что ты идешь на поправку, – сухо сообщил он. – Эту неделю ты проведешь здесь, под его надзором. На следующей тебе будут разрешены прогулки, а потом, если он сочтет возможным, вернешься к занятиям.

Айра не пошевелилась. Кер на ее руках – тоже.

– Однако, поскольку твоя проблема гораздо шире, чем это обычно случается с адептами первого курса, – все так же ровно продолжил маг, – твое обучение потребует определенных усилий. Программу придется изменить с учетом того, что ты объединила сознание с метаморфом. В связи с этим с сегодняшнего дня учить вас буду я. И я же буду нести за вас полную ответственность.

Она все так же безразлично промолчала.

– Разумеется, большинство занятий тебе придется посещать вместе с остальными учениками. Общую программу никто не отменял, а положенный объем знаний в любом случае должен быть вами усвоен. Поэтому и теория, и практика в классе останутся на прежнем уровне. Однако остальное время ты будешь посвящать другой работе, и именно этим вопросом буду заниматься я…

«Конечно, кто же еще? – отстраненно подумал Айра. – Кому доверят работать с таким чудовищем, как мы с Кером? Охранитель как-никак. Десять лет в борьбе с

порождениями Занда. Только у него получится нас уничтожить, если вдруг не удастся подчинить».

– И долго я буду разговаривать с твоей спиной? – неожиданно похолодел голос Викрана дер Соллена.

Почувствовав в нем опасные нотки, Айра пожала плечами и все-таки повернулась, бесстрастно посмотрев на противоположную стену. Прямо сквозь раздраженного мага, словно его вовсе не существовало.

Мастер Викран недобро сузил глаза.

– На данный момент никто в академии не знает, что за зверя ты носишь на груди. Достигни эти сведения Ковена, твое обучение закончилось бы немедленно. Более того, тобой занялись бы весьма неприятные личности, способные вытянуть правду даже из самых неразговорчивых упрямцев. Однако лер Альварис посчитал, что будет бесчеловечным отдавать тебя им на растерзание, и понадеялся на твое благоразумие. А также на благоразумие твоего метаморфа, которое позволило бы уладить этот вопрос… задним, так сказать, числом. Если Ковен будет удовлетворен результатами твоего обучения, это сильно облегчит тебе жизнь. По этой же причине о том, что метаморф – дикий, знают только три человека в академии: лер Альварис, ты и я. Но если это изменится, то у тебя будут очень большие неприятности. Понимаешь, что это значит?

«Конечно. Меня разрежут на кусочки или предпочтут уничтожить, пока Кер не обрел настоящей силы. Или еще лучше – запрут, как Марсо, в каком-нибудь подвале, посадят на цепь и станут вдумчиво изучать до тех пор, пока я не умру. Так что вы, можно сказать, спасаете мне жизнь и недвусмысленно намекаете, что надо быть за это благодарной».

– А виары? – бесцветным голосом уточнила Айра.

– Они будут молчать, – так же сухо отозвался маг. – Как будет молчать один небезызвестный тебе вамп.

– И чем же вы их запугали, если не секрет?

Он странно наклонил голову, отчего короткие черные волосы упали на лоб и прикрыли потемневшие глаза.

– А вот этого тебе знать не следует. Отныне твоя задача – подчиняться мне. Во всем.

– А если я не стану? – ровно осведомилась Айра.

– Я найду способ этого добиться.

Она, наконец, взглянула прямо, на мгновение скрестив с ним взгляд. Но сразу поняла – никаких шуток. Он действительно сможет. Как тогда, как в том лесу. Все с тем же спокойствием и нечеловеческим хладнокровием. Особенно сейчас, когда они с Кером так слабы. Более того, он сделает это немедленно и столько раз, сколько потребуется, чтобы она навсегда зареклась спорить или упорствовать. И это чувствовалось в том, каким мертвым холодом веяло из его глаз. В том, как он стоял. Как бесстрастно смотрел. Как молча подтверждал ее невеселую догадку, что добьется подчинения любой ценой. Чего бы это ни стоило… ей. И, конечно же, Керу.

У Айры нехорошо заныло под ложечкой.

Кер… он ведь еще совсем слабый. После того заклятия малыш едва не погиб. Просто чудо, что он вообще оправился! Маленький, несчастный, измученный зверек, который ни перед чем не остановится, чтобы защитить свою хозяйку!

Он не выдержит второго удара. А если Айра начнет упорствовать, Викран дер Соллен его убьет. Он сможет. А второй раз им не выжить. И проклятый маг это тоже знает. А еще он знает, что он сильнее. И у него хватит умения, чтобы это доказать. Да хотя бы здесь, сейчас, чтобы раз и навсегда ее сломать…

Собственно, у нее сейчас два пути: согласиться стать ученицей Викрана дер Соллена, пожертвовав чувствами ради Кера, или сразу отказаться, плюнуть убийце в лицо и иметь потом тяжелый разговор с лером Альварисом. После которого ее или отправят сразу к магам Ковена, или же отдадут все тому же Викрану дер Соллену. И тогда обучение все равно состоится, только после этого у нее вряд ли останутся силы, чтобы сопротивляться. А у Кера и подавно.

Впрочем, все уже решено: лер Альварис отдал приказ, его ученик этот приказ непременно выполнит, а ее мнения никто не спрашивает. И что бы она сейчас ни делала, как бы ни возмущалась, от этого ничего не изменится. А радовать дер Соллена своей растерянностью, страхом или же злостью… нет. Не дождется. Теперь ничего от нее не дождется. Хотя бы до того момента, пока они с Кером не восстановятся полностью и не смогут ответить так, как он того заслуживает.

Получается, выбора нет: надо соглашаться. Терпеть, молчать, сносить все, что для нее уготовано. Спрятать истинные чувства глубоко-глубоко, на самом дне, чтобы он даже мысли об этом не увидел. Стать покорной, послушной, исполнительной. Но лишь для того, чтобы однажды, когда будут силы, наконец, закончить разговор, начатый им у туманной реки.

Айра, не поменявшись в лице, медленно кивнула.

– Хорошо. Я согласна.

– Прекрасно, – холодно отозвался маг. – В таком случае раздевайся: обучение начнется немедленно.

У нее что-то сжалось внутри, едва не вырвавшись наружу сдавленным вскриком, но страх тут же сменился вспышкой презрительной ярости, затем – горькой усмешкой и, наконец, прежним равнодушием.

Нет, я решила.

Айра недрогнувшими пальцами взялась за тугой узел и молча позволила простыне упасть на холодный пол.

Ради нас, ради Кера. Тому, кто не раз видел чужое отчаяние, многократно умирал и столько же раз возрождался, нечего бояться смешных угроз или простого насилия. Если дер Соллен думает, что это может ее подчинить, пускай. Пусть тешит себя надеждой. Пусть пытается, развлекается и глумится. Ведь на самом деле она давно умерла, а мертвые, как известно, не чувствуют боли. Они не стыдятся, не плачут. И, на ее великое счастье, совершенно не умеют страдать.

Когда маг ушел, она долго лежала неподвижно, молча изучая пустой потолок и даже не пытаясь понять смысла действий мага. Кажется, дер Соллен удивился, не услышав от нее ни слова возражения. Не ждал такой покорности. И не смутился ни ее наготой, ни совершеннейшим безразличием во взгляде, с которым она ровно спросила:

– Что дальше?

Он так же бесстрастно велел ей лечь на спину, довольно долго стоял возле постели, словно ища признаки страха, но, видимо, ничего не нашел и этим озадачился. Тогда как Айра просто запретила себе пугаться, заставила суматошно заколотившееся сердце умолкнуть и сдержалась, когда охранитель наконец подошел и требовательно взял ее за руку.

Она не пошевелилась, когда твердые ладони с силой сжали ее безвольную кисть. Когда такие же твердые и совершенно сухие пальцы потерли шрамы, оставшиеся после уколов игольника. Она даже прикрыла глаза, чтобы маг не увидел в них ничего лишнего, но в то же время пристально наблюдала через нахохлившегося на подоконнике метаморфа.

Да. Теперь она могла это сделать. И Айра видела, как мастер Викран задумчиво изучает ее кожу. Как надолго задержал неподвижный взгляд на отметине под левой грудью – как раз там, куда когда-то ударила чужая стрела. Теперь от раны осталось лишь крохотное пятнышко, большее похожее на родинку, чем на шрам. Однако маг даже наклонился, едва не коснувшись этой родинки пальцами, но потом неожиданно передумал – выпрямился, задумчиво покачал головой и отошел.

Айра неуловимо напряглась, ожидая чего угодно, вплоть до насмешливого комментария или настойчивого прикосновения, которое ей тоже пришлось бы стерпеть. Заранее приготовилась к грядущему позору. До боли стиснула зубы. Но дер Соллен всего лишь осмотрел ее ноги, по очереди приподнял обнаженные стопы, обнаружив на них точно такие же шрамы, как на ладонях, а потом… подобрал с пола простыню и небрежно набросил сверху.

– Не двигайся, – сухо велел маг, зайдя в изголовье, и двумя руками взялся за ее виски.

Айра, и без того лежащая, как мышь, обратилась в камень. Но ничем не показала своего удивления, хотя через Кера все так же внимательно следила за выражением лица охранителя.

Оно показалось ей вырезанным из черного камня: твердого, бесстрастного и недвижимого. Однако маг, как ни странно, больше не тронул ее даже пальцем. Не прикоснулся к простыне, ни разу не взглянул на мерно поднимающуюся и опускающуюся грудь. Словно бы даже не заметил, что весьма продолжительное время перед ним лежала не мраморная скульптура, а живая, тщательно скрывающая свое смятение, обнаженная девушка.

Айра, как ни старалась, так и не смогла увидеть на его лице даже тени каких-либо эмоций. Ни злорадства, ни ярости, ни пренебрежения, ни брезгливости, ни отвращения. Ни-че-го. Будто перед ней стоял не мужчина, а демон, которому не было никакого дела до смертных.

И конечно же, она не сумела разгадать причины, по которой ее вдруг подвергли этому унизительному осмотру. Поэтому, когда он убрал руки, а затем ушел, сухо бросив напоследок: «Отдыхай. Завтра придется повторить», она еще долго лежала, пытаясь разобраться в его мотивах. И лишь когда встревоженный, откровенно недовольный, раздраженный подобной бесцеремонностью чужака метаморф забрался ей на грудь, очнулась от невеселых дум.

– Не надо, – тихо попросила, когда крыс сердито заворчал. – Я не знаю, что происходит. А чтобы понять, нам понадобится время. К тому же он не сделал нам ничего плохого. Пока.

Кер заворчал громче.

– Да, ты прав. Но мне показалось, он чего-то от нас ждал. То ли того, что ты набросишься. То ли того, что я закричу… не понимаю. Не могу уловить. Но шансов позлорадствовать мы ему больше не дадим. А еще я думаю: он еще не понял, что я могу смотреть и слушать через тебя. И чем дольше он об этом не узнает, тем спокойнее нам будет.

Метаморф задумался, старательно взвешивая все доводы, прислушался к ее чувствам, сравнил… и наконец со вздохом согласился.

Айра, медленно поднявшись, снова закуталась в простыню, отстраненно подумав о том, что завтра стоит попросить у лера Лоура какую-нибудь одежду. А потом так же отрешенно отметила, что в таком виде она уж точно никуда отсюда не денется. Может, именно поэтому старый лекарь не оставил в комнате одежды, опасаясь, что больная снова сбежит?

Что ж, всякое могло быть. Даже такое, что об этом его попросил Викран дер Соллен.

Правда, Айра не могла представить, зачем бы магу это понадобилось и как бы он объяснил свою странную просьбу. Но кто может знать мотивы его поступков?

Как бы там ни было, пока дер Соллен не причинил ей вреда. Что за манипуляции проводил маг, она, конечно, не поняла, но его интерес к ее шрамам ей не понравился.

«Может, его интересовали и другие шрамы? – внезапно подумала девушка. – Для того и велел раздеться?»

Она вздрогнула от неожиданной мысли, но другого объяснения не возникало – в то, что маг хотел вдоволь насладиться видом обнаженного тела, Айра не поверила. Слишком уж глаза у него были равнодушными.

«Да, – в конце концов решила она. – Он точно что-то искал. Но, кажется, не нашел… Кер!»

Метаморф немедленно поднял голову.

«Что он мог искать? У меня на теле осталось что-нибудь после Занда?»

Крыс озабоченно наморщил нос, словно припоминая те далекие дни, а потом спрыгнул на подоконник и требовательно пискнул. Айра тут же скинула простыню и снова осталась обнаженной. Только на этот раз больше дрожала от нетерпения, чем от смущения или от врывающегося через открытое окно прохладного ветра. А затем, подчиняясь мысленному посылу друга, медленно повернулась, чтобы умный зверек сам определил, какие отметины на ее теле стоило считать подозрительными, а какие – нет.

Неожиданно Кер взволнованно пискнул.

Айра изогнулась, пытаясь понять, на что направлен его взгляд и что именно ей нужно скрыть от бесцеремонного мага. Потом досадливо сморщилась, сообразив, что сама не справится, посетовала на то, что господин Лоур не поставил в комнате ни одного зеркала. Но все-таки нашла выход и мысленно обратилась к метаморфу.

«Покажи мне, Кер. Дай взглянуть».

Сперва ей было плохо видно, потому что Айра устала, пока следила за Викраном дер Солленом. Да и Кер, чего скрывать, был не в лучшей форме. Но потом зрение все-таки прояснилось, картинка стала более четкой. Наконец Айра увидела собственную постель, зияющий провал окна, из которого открывался прекрасный вид на академический сад. А потом, хвала Всевышнему, Кер все-таки вспомнил, зачем был нужен хозяйке, и внимательно уставился на ее спину.

Точнее, под левую лопатку, где виднелся старый, поблекший от времени и почти незаметный след. Той самой стрелы, которая, как неожиданно вспомнила Айра, ударила именно в спину.

«Верно, – констатировала она про себя, хладнокровно изучая несомненное свидетельство собственной смерти. – Спереди вышел лишь кончик, а основной удар пришелся именно сюда. Стрела прошла насквозь, через сердце. И если бы об этом кто-то узнал раньше, меня бы, вероятнее всего, приняли за нежить».

Крыс неопределенно пискнул.

«Пожалуй, хорошо, что дер Соллен этого не увидел, – сухо заметила Айра. – Иначе нам пришлось бы долго объяснять, почему я до сих пор жива. Надеюсь, ему не придет в голову рассматривать меня еще и сзади? До полного, так сказать, удовлетворения… ну-ка, иди сюда, малыш. Дай-ка и я теперь на тебя взгляну».

Она подхватила на руки спрыгнувшего с подоконника метаморфа, вернулась на постель и принялась осторожно ворошить серую шерстку, стараясь отыскать подозрительные отметины. Затем перевернула смешно зафырчавшего зверька на спину и так же внимательно оглядела живот, стараясь ничего не пропустить.

Однако на малыше никаких следов не оказалось. И это значило, что ниоткуда, кроме как с ее обнаженной спины, узнать правду мастер Викран не мог.

Айра прижала крыса к животу и надолго задумалась.

Дер Соллен не должен был узнать о ее связи с Зандом. Да, о Занде говорят так много плохого, что со стороны кажется, будто он – кровожадный зверь, из Охранных лесов запертый в клетку и отгороженный от остального мира целой армией охранителей. Его боятся. Ненавидят. Его не трогают уже много веков, страшась пробудить дремлющее там Зло.

И никто не подозревает, что на самом деле никакого Зла нет и в помине. Там всего лишь дремлет живое Сердце этого мира. Оно не холодное и не жестокое. Оно умеет сочувствовать и слышать чужую боль. И оно, как ни странно, гораздо милосерднее, чем сердце проклятого мага, для которого в этой жизни нет ничего святого.

– Мы не должны этого допустить, – нахмурилась Айра. – Никто не должен понять, что такое Занд на самом деле. И никто не должен узнать, что я там была. Кер, ты поможешь?

Крыс вопросительно пискнул.

– Я хочу стереть этот шрам, – пояснила девушка, задумчиво хмуря брови. – У меня больше не осталось сил…

«У меня тоже», – выразительно посмотрел на нее метаморф.

– Но дер Соллен придет уже завтра. И до его прихода мы должны убрать этот шрам. Или спрятать… как-нибудь… только так, чтобы он не увидел.

Неожиданно в окно что-то громко стукнуло.

Айра вздрогнула от неожиданности и удивленно уставилась на откатившийся под ноги камешек. Что за чудеса? С каких это пор галька спокойно летает по воздуху и стучится в чужие окна?

Но стук повторился снова, и в комнату, громко звякнув по подоконнику, влетел еще один камень, покрупнее.

При виде его девушка удивленно привстала, но потом спохватилась, поплотнее закуталась в простыню и только потом осторожно выглянула на улицу.

Там, разумеется, было темно. Разбитый вокруг лечебницы парк, конечно же, пустовал, потому что для романтических прогулок при луне было еще рано, а для визитов вежливости уже поздно. Но девушка все равно настороженно оглядела кусты, которые скрывали от взгляда спрятанную в зелени тропку, и едва не вздрогнула, когда оттуда донесся тихий свист.

– Айра?

Девушка, узнав голос, удивленно отпрянула.

– Бриер?!

– Ага, – одетый во все черное парень осторожно выглянул из-за куста и лихо подмигнул. – Тебя так долго не было на занятиях, что я забеспокоился. Как ни приду, тебя нигде не видно, и, что самое ужасное, никто толком не знает, где ты вообще! Я уж хотел спросить у кого-нибудь из ваших, но вчера учитель обмолвился, что ты здесь, вот я и решил узнать, что стряслось.

– Что ж ты у него не спросил, в чем дело? – сухо осведомилась Айра.

– У него спросишь… Ты как? Живая?

– Как видишь.

– А что случилось? Перестаралась с чарами?

– Можно и так сказать, – у нее похолодел голос, а в глаза вернулось прежнее бесстрастное выражение, которое Бриеру очень не понравилось. – Ты как сюда попал?

– Да пустяки, – отмахнулся юноша, выбираясь из кустов. – Учитель в оранжерею отправил за одной травкой и велел без нее обратно не приходить, но забыл, что наша грозная травница уехала в Лир и до ночи не вернется. А я что? Я ж послушный: остался ее ждать… ну, и заодно досюда добежал. Все ж не другой конец света, можно и успеть обернуться, пока она не заявится.

Айра качнула головой.

– Зря. Если господин Лоур узнает, тебе влетит. Мне запрещено выходить из комнаты.

– Что, все так ужасно? – обеспокоился Бриер, подойдя к окну, и вопросительно посмотрел на девушку снизу вверх. Но потом убедился, что ему не показалось, и заметно нахмурился: она выглядела плохо. Так плохо, словно по ней атакующим заклятием ударили, а у нее на тот момент не было ни единого толкового щита. Голос ровный, глаза сухие, губы бледные и потрескавшиеся, а пальцы, которыми она оперлась на подоконник, стали совсем тоненькими. Она будто высохла изнутри. Или же пережила что-то очень страшное.

– Айра? – тихо спросил он, пытаясь поймать ее погасший взор. – С тобой все в порядке?

– Да пока нечем гордиться.

– А почему ты в таком виде? – он выразительно скользнул взглядом по простыне. – Бледная, худущая, будто с голодным вампом повстречалась, кожа скоро просвечивать начнет… тебя что, не кормят?

Айра даже не улыбнулась на его слабую попытку пошутить.

– Просто твой учитель недавно заходил. Кстати, мы с тобой теперь собратья по несчастью – с этого дня он и мой учитель тоже. Здорово, да? Будем отныне часто видеться.

Но Бриер, как ни удивительно, не обрадовался. Напротив, резко переменился в лице и быстро отвел взгляд.

– Вот оно что… прости, я не знал.

– Ничего. Переживу.

– Это из-за метаморфа, да? – невесело спросил парень после минуты тяжелого молчания. – Впрочем, и так ясно… просто не могло быть по-другому. Когда тебя к нам переведут?

– Не знаю. Не спрашивала. А разве должны?

Бриер невесело кивнул.

– После того как… ну, сама понимаешь… теперь тебе нечего делать с первогодками.

– Может быть, – равнодушно пожала плечами Айра. – Мне уже все равно, где быть. Хуже, чем есть, точно не будет.

– Извини. Тебе, наверное, сейчас не до меня… хочешь, я завтра зайду? Или послезавтра?

– Да кто ж тебя пустит?

– Через стену прыгну, – со странной решимостью пообещал парень, дерзко вскинув подбородок. – Ты только скажи когда, и я тут же приду. По себе знаю, как иногда бывает погано, если все вот так… быстро.

Айра покачала головой.

– Не надо. Поймают тебя на этой стене, и будет только хуже.

– А я лазейку нашел. Вчера, когда думал, как к тебе попасть. А сегодня все еще раз проверил – должно сработать. Если, конечно, никто из преподавателей не заметил ее и не заделал.

– Все равно не надо.

– Ты не хочешь меня видеть? – осторожно уточнил Бриер.

– Нет. Не в этом дело. Просто… – она прерывисто вздохнула. – Я не хочу, чтобы пострадал кто-то еще. Хватит того, что нам с Кером досталось. А ты, если мастер Викран узнает, сто раз потом пожалеешь, что вообще ко мне заходил.

Он решительно тряхнул головой.

– Ну уж нет. Вот теперь я точно приду. Только ты жди меня, ладно? Как только стемнеет, я тебя найду, обязательно, – Бриер упрямо сверкнул глазами и, прежде чем она успела возразить, отступил в тень, поразительно быстро пропав из виду.

Айра поджала губы, но высказать свое отношение к этой глупости не успела – дверь в комнату без всякого предупреждения распахнулась, заставив ее поспешно отступить от окна, со спины донесся звук поставленного на стол подноса, а довольный голос господина Лоура торжественно произнес:

– Уже встали? Вот и прекрасно! Я очень рад, что вы так быстро поправляетесь! Время ужина, леди! Не желаете ли салата?..

Идя по коридору лечебного корпуса и заслышав впереди неясный шум, мастер Викран невольно замедлил шаг и сурово сдвинул черные брови.

Что такое? В чем дело? И почему шум такой, словно кто-то от кого-то отчаянно отбивается?

Но в такое время здесь не должно быть посторонних – для первогодок правила нерушимы. Лишь болящих этот запрет не касался: им позволяли по вечерам выходить в прилегающий к корпусу сад. Правда, под строгим надзором лекаря. Однако сейчас в корпусе была лишь одна личность, которая могла стать источником шума. А это значило, что она или не одна, или же произошло что-то такое, отчего кое у кого могли случиться большие проблемы.

Он почти побежал, когда завидел знакомую дверь распахнутой настежь, а затем услышал изнутри звон разбившейся посуды, приглушенный вскрик, тут же

сменившийся яростным шипением, и протяжный стон, который был почти сразу перекрыт болезненным всхлипом и отвратительным звуком рвущегося белья.

Мастер Викран огромным прыжком достиг двери, ворвался внутрь, держа наготове огненный цветок и, на всякий случай, призрачную цепь, но увидел у окна бледную как полотно Айру и остановился.

Она стояла, закутавшись в простыню и мелко вздрагивая, будто от сильной боли. Лицо застыло посмертной маской – исхудавшее, с крохотными капельками пота на висках. Волосы растрепались, худенькие плечи были обнажены и сведены непонятной судорогой. Руки с силой прижаты к груди, на которой бился взъерошенный крыс, а заодно придерживали сваливающую простыню, левый край которой уже намок и неприятно отсвечивал красным.

Перед ней на белом полу вызывающе алело несколько лужиц крови, по которым было видно, что сначала она стояла у стола, потом отошла к окну, защищаясь от кого-то или, наоборот, испуганно пятясь.

Глаза у девчонки были все еще расширенными, полными боли, но смотрела она не на ворвавшегося ураганом мага, а на совсем еще молодого, рыжеволосого и конопатого парня, стоящего возле опрокинувшегося на пол подноса и судорожно сжимающего кулаки.

Викран дер Соллен в два шага настиг испуганно застывшего парнишку и, ухватив его за ворот мантии, властно тряхнул.

– Что здесь происходит?!

На него уставились совершенно ошалелые глаза, в которых плескалось больше испуга, чем злости или ярости. А потом появилось запоздалое понимание, узнавание, наконец – еще больший испуг, зато кулаки мгновенно разжались. После чего парень икнул и как-то разом обмяк, словно лягушонок, попавший в логово голодной змеи.

Кажется, он совсем не ожидал, что в комнате появится посторонний, поэтому смотрел на боевого мага со смесью паники, ужаса, но вместе с тем и странного облегчения.

– Что тут происходит, я спрашиваю?!

Парень вздрогнул и, запинаясь, пролепетал:

– Д-добрый вечер, лер. Я н-не знал… зашел отнести ужин… г-господин Л-лоур сегодня з-задержался и п-поэтому п-попросил меня…

– Ты кто такой? – недобро сузил глаза мастер Викран.

– Эйл… Эйл де Визо… л-лер. Я на втором к-курсе учусь.

– А здесь что делаешь?!

– Я… провинился, лер, – наконец справился с голосом юноша. – Меня отправил сюда лер Легран, чтобы я научился правильно формировать целебные заклятия. Это совсем не то, что вы подумали: я просто ужин принес! Меня никто не предупредил насчет крысы! Я зашел, поставил на стол, а она как прыгнет… я думал, простая! Собирается ужин мой… то есть не мой, конечно… сожрать! Хотел ее пнуть, а она как зарычит…

Викран дер Соллен перевел взгляд на злобно шипящего Кера, затем на вздрагивающую девушку, с трудом удерживающую его на руках. А потом додумал все остальное и, отпустив перепуганного парня, гораздо спокойнее спросил:

– Ты его ударил?

– Нет, лер, – слегка перевел дух Эйл. – Он так быстро отскочил, что я не успел. Но он почти сразу попытался напасть, так что мне пришлось отбиваться…

– Он тебя ранил?

– Нет, – парень пугливо покосился на крыса.

– Тогда в чем дело? Что у вас был за шум?

– Я… – Эйл прикусил губу. – Я в сторону отскочил, когда он прыгнул, а она его поймать хотела… наверное. Мы столкнулись, лер. И я упал. Но из-за этого крыса промахнулась.

Мастер Викран быстро опустил взгляд и уперся в кричаще-алые пятна на полу. Затем посмотрел на замершую возле окна девушку, которая ничем не подтвердила, но и не опровергла этот сумбурный рассказ. Впрочем, нет, ему не показалось – простыня на ее левом боку разорвана и насквозь пропиталась кровью. Метаморф до сих пор пребывал в бешенстве, его когти были в крови – длинные, изогнутые, совсем не крысиные…

Маг властно оттеснил заметно съежившегося парня – сопляк не соврал. Именно из-за него эти когти с размаху полоснули не по его лицу, а по обожаемой, хрупкой, ослабленной хозяйке, рискнувшей кинуться наперерез любимцу, но не успевшей, подобно пацану, отскочить в сторону. Или же это парень так неудачно отскочил, что толкнул ее на взбешенного крыса? Теперь уже не важно. Главное, что этот неуклюжий болван едва не попал под удар сам, да еще и девчонку подставил, а сейчас даже не понимает, насколько близок был к опасной грани.

Викран дер Соллен хлестнул по пареньку злым взглядом и коротко велел:

– Вон!

– Да, лер, – пролепетал юноша и выскочил в коридор как ужаленный.

Маг, не дождавшись, пока за ним захлопнется дверь, подошел к вздрагивающей, словно от холода, ученице и так же коротко велел:

– Повернись.

Айра, будто не услышав, не пошевелилась. И не отреагировала, когда он властно взял ее за плечо и развернул к себе насильно. Конечно же, не увидела, как у него вытянулось лицо при виде ее изодранной спины, и почти не ощутила, как дрогнули у него пальцы.

Маг замер, рассмотрев расползшуюся в клочья простыню – со спины она пропиталась кровью почти вся. Глядя на нее спереди, он просто не заметил, что все настолько плохо. Кажется, метаморф ударил ее сразу всеми лапами с двадцатью отточенными до бритвенной остроты когтями. Инстинктивно вцепился, вогнав их глубоко под кожу, а затем не удержался и буквально съехал вниз, срезая кожу, будто ножом. Неудивительно, что девчонка не может даже пошевелиться – во время болевого шока люди могут долго не замечать, что потеряли руку или ногу. А то и меч в собственной груди не почувствуют. Странно, что она еще стоит на ногах.

Он подавил рвущееся наружу ругательство и так же сухо велел:

– Садись.

Не помогло: Айра не сдвинулась с места. Ему пришлось усаживать ее самому, а затем торопливо ощупывать изуродованную спину, опасаясь, как бы от боли ученица не начала биться в истерике или, упаси Всевышний, снова не потеряла сознание.

– Сейчас будет неприятно, – хрипло бросил он, но Айра снова не услышала – невидящим взором смотрела только перед собой и все так же странно вздрагивала, словно изо всех сил удерживала бьющийся внутри крик. А когда маг приложил к израненной спине теплую сухую ладонь, даже не пошевелилась. Хотя, как ему показалось, все же заметила. – Потерпи, это недолго.

Она неожиданно кивнула, но так слабо, что он не был уверен. И все то время, пока кожу немилосердно жгло исцеляющее заклятие, просидела в неестественной позе, судорожно вцепившись в крыса и до крови прикусив губу. Лишь когда маг закончил, а на спине не осталось ни крови, ни ран, ни шрамов, она будто всхлипнула, содрогнулась всем телом и внезапно согнулась пополам.

– Спасибо, малыш…

Мастер Викран замер, услышав этот сдавленный шепот, но она больше ничего не сказала – так и сидела, уткнув нос в серую шерстку, и, кажется, беззвучно плакала. А когда нашла в себе силы снова выпрямиться, то даже не обернулась, будто забыла о том, что в комнате есть кто-то еще.

Мастер Викран какое-то время стоял, отирая о кусок простыни испачканную руку. А затем всмотрелся в лиловую прядь на ее голове, которая наконец стала видна целиком, медленно наклонился и осторожно ее высвободил, пройдясь пальцами от макушки до самых кончиков волос.

Затем так же молча взглянул на притихшего метаморфа, невольно сравнив лиловую полоску на его мягкой шкурке. Припомнил, что и у волчицы видел именно такую. На какое-то время задумался, перебирая в ладони шелковистый локон, но вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд и, вздрогнув от неожиданности, быстро поднял голову.

Метаморф сидел на руках хозяйки совершенно неподвижно – некрупный, все еще взъерошенный, с чуть приподнятой шерсткой на загривке. И смотрел на задумавшегося мага остро, внимательно, неотрывно и так недобро, что охранитель выпустил непослушную прядку и позволил ей упасть хозяйке на спину. А сам с удивлением всмотрелся в диковато расширенные, полыхающие все тем же сиреневым пламенем глаза, однако видел в них далеко не звериный разум, понимание и вполне понятный вопрос.

Тот, который отвернувшаяся Айра не стала задавать ему вслух.

«Что тебе надо? – молча сказала она, глядя через Кера на его неподвижное лицо. – Зачем мы тебе понадобились?»

Мастер Викран отступил на шаг и негромко велел:

– Ложись. Нам предстоит много работы.

Айра, не поднимая глаз, кивнула и беспрекословно легла на постель, прикрыв тяжелые веки. Она не сказала ни слова, когда он приложил прохладные пальцы к ее вискам, однако на этот раз успела почувствовать, как от его рук идет слабое, ненавязчивое тепло, от которого само собой успокаивалось громко колотящееся сердце, становилось спокойнее и легче. А потом наконец пришло и запоздалое понимание, что это никакое не вторжение в ее личное пространство, не попытка взломать щит, а всего лишь еще одна лечебная процедура, требующаяся для скорейшего восстановления ее ослабленной ауры.

Айра тихо вздохнула, напряженно гадая, зачем бы ему понадобилось тратить свои силы, но потом решила, что это не имеет особого значения. Хочет – пускай делает. Она не станет его радовать благодарностями или вопросами. Тем более что это, скорее всего, просто еще один приказ директора, а дер Соллен, как уже выяснилось, хорошо умеет их выполнять.

Все время, пока он работал, она угрюмо молчала, терпеливо вынося осторожные прикосновения, а затем незаметно появившийся легкий, но постепенно нарастающий гул в ушах, от которого потяжелел затылок. Правда, на внезапный вопрос, не стало ли ей хуже, отрицательно качнула головой.

Потом маг ушел, снова не попрощавшись и ничего не пояснив, но Айре этого и не требовалось: все, что хотела, она уже узнала. Все с той же отстраненностью подумала, что, кажется, самое неприятное миновало. И только потом позволила себе обмякнуть, потрогать горящую, как в огне, лопатку и, ласково погладив ставшего несчастным крыса, тихонько прошептать:

– Вот и все, мой хороший. Мне уже совсем не больно…

Бриер не обманул: едва гонг подал сигнал к отбою, как возле лечебного корпуса послышались его осторожные шаги, а затем раздалось деликатное постукивание по ставню.

– Айра? Ты не спишь?

– Нет, – со вздохом отозвалась девушка, открыв окно и с укором посмотрев на мнущегося парня. – Чего тебе дома не сидится? Делать больше нечего, как охранные заклятия по ночам тревожить? Или все равно, во что тебя превратит учитель, если увидит нас вместе?

– Плевать, – сухо отозвался Бриер. – Одним зачетом больше, одним меньше. Ну что? Не замучили еще лекарствами?

– Не успели.

– Как себя чувствуешь?

– Ты вчера спрашивал, – напомнила Айра.

– И сегодня тоже спрашиваю. Вдруг тебе стало хуже?

– Нет, не стало, – слабо улыбнулась она, присев на подоконник, отчего голова Бриера оказалась как раз на уровне ее коленей. Потом поймала вспрыгнувшего на руки Кера и хмыкнула, когда его любопытная мордочка потянулась к гостю. – А ты упрямый. И безрассудный, как мальчишка.

Бриер тихо фыркнул.

– Лучше сказала бы, что настойчивый и смелый. Похвалила бы, спасибо сказала, что не бросаю тебя одну…

Айра улыбнулась чуточку шире.

– Спасибо. Честное слово, я рада тебя видеть.

– Хочешь, погуляем?

– Мне нельзя. Да и упасть могу: меня ноги еле держат.

– А я тебя поймаю, – с энтузиазмом предложил Бриер. – К тому же мы далеко не пойдем, а если лер Лоур заявится с проверкой, то ты всегда можешь сказать, что не удержалась на подоконнике и вывалилась наружу. Мол, голова закружилась или Кер, к примеру, столкнул.

– Что я, дурная, чтобы падать с первого этажа на какие-то грядки?! И как ты себе представляешь, что это сделал Кер?!

– А вот так, – Бриер неожиданно схватил ее за руку и дернул, отчего Айра действительно не удержалась и вывалилась наружу. Правда, на землю не упала – парень ловко подхватил, а затем осторожно опустил на землю, с хитрой улыбкой отступив и выжидательно уставившись на ее растерянное лицо.

– Ты… ты что сделал?!

– Спас тебя из страшного заточения! – хихикнул парень.

– Но я же не одета! И босая! – от возмущения Айра даже позабыла про недавнюю апатию и испытала сильное желание стукнуть старшекурсника по макушке.

Он тем временем порылся в кустах и вытащил оттуда теплый плащ и приличного вида башмаки, которые с невозмутимым видом поставил перед девушкой.

– На.

– Бриер!

– Что? – делано удивился он. – Что не так? Я жизнью рискую, чтобы ты смогла проведать Иголочку, а вместо благодарности что получаю? Твой игольник, между прочим, уже за круг выбрался. А второй… даже не знаю, как и сказать.

– Что такое? – похолодела от внезапной мысли Айра. – Что с Шипиком?!

– Не знаю никакого Шипика, но ты сама должна это увидеть. Возле стены сейчас такое творится…

– Ч-что случилось? Что с ними?!

– Да не бойся, нормально все, – хмыкнул Бриер, ненавязчиво подталкивая ее в сторону оранжереи. – Я просто подумал, что тебе надо проветриться, а игольнику – увидеть тебя живой и здоровой, пока он, в смысле они, не разнесли нам весь двор.

Полная дурных предчувствий, Айра торопливо напялила башмаки, от волнения даже забыв поинтересоваться судьбой их прежнего владельца. Закуталась в плащ и, подхватив с подоконника крыса, кинулась прочь, на ходу строя самые ужасные предположения.

Бессовестная, безответственная, эгоистичная и глупая девчонка! Как она не подумала об игольнике, о листовике? Как посмела даже не навестить за эти два дня?!

Иголочка, Листик, Шипик… боже мой! Они же там совсем одни! Смертоносные и такие… уязвимые. Кто за ними присмотрит? Кто накормит, если они никого, кроме нее, близко не подпускали?! А Иголочка еще и в охранном круге!

Айра в ужасе помчалась так, что споткнулась и едва не упала. Хорошо, Бриер вовремя подхватил и со смехом сказал:

– Да не беги ты. Все успеем, не волнуйся. И все с ними в порядке! Я проверял!

– Да? – недоверчиво покосилась на него запыхавшаяся девушка.

– Точно тебе говорю.

Еще на подходе к оранжерее, Айра почувствовала, что с ней что-то не так: оранжерея больше не была похожа на разноцветную игрушку, загадочно подсвеченную изнутри магическими огоньками. В ней если и остались крохотные светильники, то так мало, что их едва хватало, чтобы подсвечивать контуры гигантской теплицы, тогда как все остальное пространство было погружено в недобрую, пугающую темноту.

Более того, эта темнота не только заполонила оранжерею изнутри, но стекала по стеклянной крыше, сползала на пожухлую траву, чего мадам Матисса никогда прежде не допускала. А потом сплошным ковром расходилась далеко в стороны и вязкими щупальцами забиралась на высокую кирпичную стену, закрывая ее почти до самого верха.

Только подойдя ближе и заметив неясное шевеление на страшновато изменившейся стене, услышав тихий шелест листьев и почувствовав знакомое томление в груди, Айра вдруг поняла, что именно видит.

– Всевышний…

– Ага, – довольно кивнул Бриер. – Я, когда обнаружил это безобразие, сперва даже не поверил. А учитель… ух, видела бы ты в тот момент его лицо!

Она сделал навстречу стене несколько мелких шагов, но потом не выдержала и позвала:

– Шипик?!

Бриер инстинктивно отпрянул, когда стена зашевелилась, мгновенно расправив листья, выставив наружу сотни и тысячи колючек, причем сразу вся – от крохотного уголка, где Айра когда-то спрятала слабый росточек, вплоть до далекого поворота, за которым тоже продолжалась насколько хватало глаз.

Девушка сдавленно охнула, запоздало подумав, что оставшийся без присмотра игольник был вынужден в последние дни искать себе пищу сам. Но, поскольку никто о нем не знал, а питался он исключительно магией, то и искал в первую очередь поблизости именно ее.

А где он мог спокойно взять силы для роста? Правильно – только на отделявшей первогодок стене, защищенной очень питательными заклинаниями.

Айра перевела диковатый взгляд на оранжерею и только сейчас поняла, что Шипик не забыл позаботиться о матери: когда стало ясно, что с хозяйкой случилась беда, он пробил своими иглами магически защищенное стекло, вернее, сначала он выпил с него всю защиту и те огоньки, до которых смог дотянуться. Затем разрушил внешнюю стену и позволил Иголочке выбраться из эльфийского круга. После чего она тоже стремительно разрослась и заполонила собой остальную часть стены, сделав ее по-настоящему неприступной.

– Боже мой… Иголочка!

На голос хозяйки игольники отреагировали мгновенно: заволновались, выпустили наружу несколько десятков чувствительных усиков и потянулись к ней сразу всеми своими отростками. Под тихий возглас отпрянувшего Бриера окружили девушку со всех сторон. Нежно обняли. Прильнули. И осторожно коснулись одним из шипов заросшей ранки на ее ладони.

Айра протянула сразу обе руки, бестрепетно следя, как шипы бережно вошли в ранки, погрузившись туда до самого основания.

– Айра! – испуганно вскрикнул юноша. – Ты что делаешь?!

Она не ответила. Только Кер, пушистой лентой обвившийся вокруг шеи, предупреждающе заворчал и выразительно сверкнул такими же лиловыми, как листья игольника, глазами. Дескать, не лезь: она просто лечится, восстанавливая ауру и собственные силы, как когда-то делала это внутри Дерева Огла.

– Погоди… я сейчас, – прошептала замершая во внезапном озарении девушка. – Это не больно… на самом деле он мне помогает… отдает то, что успел накопить. Свою силу. Магию. Он чувствует, что мне это нужнее.

– Шипик?! Вот это – Шипик?!

– Да. Не мешай, пожалуйста. Дай нам время.

Бриер остановившимся взором проследил за тем, как отростки игольника ритмично запульсировали, а через них в ладони Айры начал вливаться мягкий сиреневый свет. Как тем же светом загорелись глаза у довольно жмурящегося метаморфа. Как вспыхнула лиловая полоска на его загривке. И мягко засияли ее волосы, как раз там, где их когда-то коснулся сок игольника.

Бриер ошеломленно оглядел буйную поросль, которая, кажется, вся сосредоточилась вокруг истощенной девушки. Закрыла ее собой, окружила, спрятала. И до последней капли отдавала сейчас самое драгоценное, что только имела.

– Вот и все, – наконец вздохнула Айра, открывая глаза и опуская руки. – Мне уже лучше. Спасибо, Шипик, ты спас мне жизнь.

Игольник игриво пощекотал ее усиками и так же осторожно высвободил из ладоней шипы, на которых запеклось несколько капелек крови.

К изумлению юноши, он не изуродовал Айре руки. А просто соединился на время с близким ему существом, отдал накопленную магию и мирно свернулся у ног хозяйки, блаженствуя всего лишь оттого, что она была рядом.

– Ну, ты даешь! – оторопело выдал Бриер, когда понял, что все в порядке.

Айра слабо улыбнулась.

– Он у меня славный. Я просто не ожидала, что он так вырастет и рискнет освободить Иголочку из круга.

– Знал бы я раньше, что так все обернется…

– Не стал бы со мной связываться?

– Не в этом дело. Просто… знаешь, я не предполагал, что он может быть таким разумным. Иначе, прежде чем рыскать по округе и задумываться о подкопе, просто попросил бы его меня пропустить.

– А что? – кашлянула Айра. – В следующий раз так и сделай. Заклятий-то наверху уже нет, так что никто не заметит. Хочешь, он перенесет тебя на ту сторону?

– Хочу, – неожиданно согласился Бриер. – Только скажи ему, что я щекотки боюсь. Пусть он… это… не балует, ладно?

Девушка тихо рассмеялась.

– Иди сюда, я вас познакомлю. А потом к Иголочке сходим – она наверняка уже изнервничалась и скоро доберется до главного корпуса, пытаясь вызнать, куда я запропала.

– Как она туда доберется?! – ошеломленно моргнул парень.

– Легко, – вздохнула Айра. – У меня такое чувство, что эти двое весь двор корнями перекопали. Если понадобится, перевернут его вверх дном. И даже твой учитель их не остановит… Ой! Бриер, а как мастер Викран на это отреагировал?

– Нормально, – пожал плечами юноша, осторожно присев рядом. – Признаться, я ждал большего, когда мы впервые увидели, что вся стена теперь сплошной игольник. Причем игольник лиловый, сосущий магию, как вампир – свежую кровь. И это в академии, где полно необученных магов, а остатки заклинаний просто висят в воздухе. На этих остатках твой игольник в ближайшие дни вымахает так, что даже директору будет его не остановить. А учитель…

Айра беспокойно тронула ближайший корешок.

– Что?

– Он пошел прямо к нему, – кашлянул Бриер. – Без оружия и даже без плохонького охранного заклятия. Я тогда подумал, все: или его сожрут, или он кого-нибудь сожрет вместе с корнями. Мадам Матисса только ахнуть успела, а мастер уже был под стеной… да только твой Шипик его не тронул. А учитель позволил установить вдоль стены еще один охранный круг, который сам теперь ежедневно обновляет.

Айра растерянно огляделась, только сейчас обнаружив, что вдоль стены тянется неимоверно сложное охранное заклятие. Причем предназначалось оно не для того, чтобы поранить игольник, если тот вдруг рискнет на кого-то напасть, а для того, чтобы отваживать от него любопытных адептов. При желании Шипик мог легко выпростать ветви за границы охранного круга, что он, собственно, только что и проделал.

– Мастер Викран с ним договорился, – уверенно сообщил Бриер в ответ на непонимающий взгляд девушки. – Понятия не имею, на каких условиях, но не зря же он столько лет в Охранных лесах провел?

Айра нахмурилась еще больше.

– Это мадам Матисса упросила его проявить милосердие? Или директор велел ничего тут не трогать?

– Мастер Викран ничего не говорил о причинах. Просто закончил круг, велел держаться от него подальше и сказал, что здесь теперь заклятия не нужны: тех, кто сунется за стену, просто выкинут обратно, лишив немалой части сил, а потревоженный круг тут же ему сообщит, чья аура осталась в этом капкане, – юноша неожиданно хохотнул. – Наш учитель, он такой – умеет придумывать всякие гадости!

Айра села прямо на землю и, позволив игольнику обвиться вокруг себя, подтянула ноги к груди.

– Это я уже поняла. Осталось выяснить, какую же гадость он придумал лично для меня. И сможем ли мы с Кером ее пережить.

Бриер удивленно обернулся.

– Да ну тебя. Скажешь тоже! Мастер Викран, хоть и суров, совсем не чудовище.

– Как знать, друг мой, – вздохнула Айра, положив подбородок на скрещенные руки, и ненадолго прикрыла глаза. – Как знать…

– Айра! – вскрикнул Марсо, когда в хранилище вошла полуодетая девушка. – Ты где была?! Почему не предупредила, что надолго исчезнешь?! Я же беспокоился!

Айра устало улыбнулась и, переступив порог, просто сползла по стеночке: переход от оранжереи забрал все ее силы. Физические, конечно, потому что с магией помог Шипик, однако даже с его помощью она сумела только проводить Бриера и добраться до подземелья. И теперь была способна только сидеть, бессильно уронив руки, и слабо улыбаться, сознавая, что есть в этом мире еще кто-то, кроме Кера и безрассудного ученика Викрана дер Соллена, кому она небезразлична.

Кстати, зря она посчитала Бриера безответственным – полчаса назад девушке пришлось выдержать настоящий бой, чтобы убедить его не провожать ее обратно. Старшекурсник настаивал на том, что она вряд ли залезет в окно без посторонней помощи. И вообще, может попасться кому-нибудь на глаза, и после этого ее наверняка запрут под замок надолго.

Разумеется, он был прав, но Айра не могла не навестить старого друга. Он ведь переживал не меньше Шипика и Иголочки, но при этом ему даже спросить было не у кого.

– Как ты могла?! – закономерно возмутился Марсо. – Я уж решил, что тебя Легран съел! Или листовик с игольником отравили! Или Дербер до смерти замучил… Айра! Айра, ты почему такая бледная?!

Она прислонилась затылком к холодной стене и тихо прошептала:

– Ничего… сейчас отдохну немного и буду в порядке.

– Айра! – окончательно перепугался призрак. – Что с тобой, девочка моя?!

– Устала очень, пока шла: я ж только второй день как глаза открыла. Прости, что сразу не смогла… просто мне было очень плохо.

Марсо поблек, но от расспросов воздержался и настойчиво потянулся к ее щиту, который, вопреки мнению господина Лоура, пропускал не только Кера. А когда вскрыл защиту, испуганно отшатнулся и ахнул:

– Ты что с собой сотворила?!

От ее сильной, лучащейся всеми оттенками лилового ауры остались лишь обрывки, будто кто-то изрезал ее на куски. Вместо цельного полотна в ней зияли огромные дыры, частично залатанные игольником. Да и сама Айра выглядела так, словно недавно выдержала тяжелый поединок. И не умерла от истощения лишь потому, что кто-то заботливо отдал ей часть своих жизненных сил.

– Айра, не смей терять сознание… нет! Не сейчас! Потерпи немного! Я быстро!

Айра вяло кивнула, едва удерживаясь на грани обморока. Кажется, она здорово переоценила свои силы, когда пообещала Бриеру, что сама доберется до постели. Бриер, поверив, ушел, позволив игольнику обхватить себя за талию и перенести через стену, а она…

– Вот! Держи!

Айра послушно взяла хрустальный бокал, до краев наполненный холодной, кристально чистой водой, и машинально выпила. Но почувствовала необычный, ни с чем не сравнимый вкус, прислушалась к себе и благодарно кивнула:

– Спасибо, Марсо. Это вода из источника?

– Да, – перевел дыхание призрак. – Отлично восстанавливает силы – как магические, так и простые. Но тебе много нельзя – заметят. И непременно спросят, где ты ее взяла.

– А где ты нашел источник?

Марсо недовольно засопел.

– Какая разница? Лучше тебе об этом не знать.

– Почему? Это же Ключ? – задумчиво предположила Айра, анализируя свои ощущения и вспоминая заодно учебник по Практической магии. – Самый настоящий природный источник. Водный, немолодой, но еще очень сильный… Марсо, а разве в академии такой есть?

– Айра! Ну зачем он тебе сдался?!

– Это что, тайна? – удивилась она, однако увидела красноречивое лицо друга и поспешно выставила перед собой руки. – Хорошо, хорошо, не буду спрашивать, раз ты так нервничаешь.

Он обреченно вздохнул.

– Да ты и так знаешь столько, что, если это всплывет, мне грозит немедленное развоплощение. Так что одним секретом больше, одним меньше… пойдем, упрямица, я покажу. Но за это ты расскажешь, что с тобой произошло и почему у вас обоих такой вид, словно вас только что воскресили из мертвых.

Айра кивнула и наконец сумела встать, с радостью отметив, что ноги больше не дрожат.

Впрочем, так и должно было случиться – в любом источнике содержится огромный запас магической энергии. И воспользоваться им мог даже новичок, став на некоторое время почти всемогущим. Правда, потом ему грозила кратковременная, но все же заметная другим магам дестабилизация дара, так что Марсо поступил мудро, что дал Айре выпить всего пару глотков, – нельзя было допустить, чтобы насторожились преподаватели.

– Ну? – грозно осведомился Марсо, проводив девушку к сонному креслу. – Кто испортил тебе ауру?!

– Викран дер Соллен. Он выловил нас у вампов, когда я возвращалась от Дакрала. А с ним вся стая была, включая господина Борже. И все так неожиданно случилось, что… в общем, понимаешь…

Марсо тревожно замер.

– Что ты натворила?

– Я растерялась, – с виноватым вздохом призналась Айра. – А дер Соллен, кажется, не понял, что мы с Кером были вместе, и решил, что малыш от меня сбежал… словом, он попытался нас убить.

– Кто?! Викран?!

Она невесело усмехнулась.

– Судя по всему, мы не слишком ему нравимся. А теперь у него появился повод это продемонстрировать, поэтому и вышло… то, что вышло. Я даже не знаю, чем он по нам ударил. Говорят, какая-то призрачная сеть, но я плохо помню, потому что Кер принял весь удар на себя.

Марсо оторопело опустился на краешек стола.

– Айра? – дрогнувшим голосом спросил он. – Сеть он на вас сразу набросил?

– Нет. Сначала хотел заставить лечь на землю, но даже не поинтересовался, хочу я этого или нет!

– А он говорил с тобой на мыслеречи?!

– Конечно. Он же волком… как и я, впрочем… только он не со мной говорил, а с господином Борже. И сказал, что нас проще уничтожить, чем пытаться остановить. А после этого ударил.

– Господи… он принял вас за обычного метаморфа! И наверняка решил, что Кер тебя пересилил. А дикий метаморф опасен почти так же, как голодная никса! Я полвека провел, изучая Занд. Видел, каково это, когда нарываешься на

разозленного ежика, а он прямо у тебя на глазах вырастает в настоящего монстра! Такого действительно проще убить, чем рисковать чужими жизнями. Тем более если есть подозрение, что он сумел поглотить разум хозяина.

Айра нахмурилась.

– Прежде чем делать какие-то выводы, дер Соллену стоило хотя бы убедиться, что я владею мыслеречью.

– А он что, этого не сделал?!

Девушка резким движением отвернулась.

– Не знаю. Я не стала с ним разговаривать.

– Ты с ума сошла! – отшатнулся призрак.

– А почему я должна была это делать?! Разве он о чем-нибудь меня спросил?! Представился или хотя бы соизволил объяснить, зачем так настойчиво выслеживал?! Да он даже не взглянул на меня толком! Выскочил из кустов, чуть с ног не сбил и заявил, что бежать, дескать, некуда и я должна лечь, убрать зубы и помалкивать. А если не сделаю, то меня прямо там и убьют! Думаешь, почему мы так разозлились?!

– Дурак… какой же дурак… – простонал Марсо, схватившись за голову. – Ему надо было тебя проверить, прежде чем строить догадки! Убедиться, что метаморф один и настроен агрессивно, а уж потом… но если он решил, что ты просто его не контролируешь или погибла… боже, боже, какой же дурак! Совсем спятил после Занда! В каждой крысе теперь подозревает дикого метаморфа, а в каждом игольнике – свою смерть!

Айра фыркнула.

– Он и Иголочку чуть не убил.

– Конечно, он же охранитель! У них там настоящая война на выживание! А игольник в этой войне – такой же боец, как все остальные! Люди против

листовиков, гномы против никс, только эльфы еще пытаются сохранять нейтралитет… но не все. Уже далеко не все. А Викран, хлебнув там горя, еще не успел остыть. Не забыл, не простил. Поэтому, увидев твой игольник… и вас с Кером… эх, молодость, молодость! Неужели и я в тридцать лет был таким же самоуверенным болваном?!

– У тебя было время одуматься, – сухо отозвалась Айра, успокаивающе погладив сердито заворчавшего крыса. – А он, похоже, считает себя непогрешимым. И начал о чем-то думать, только когда господин Борже попытался до нас докричаться… на наше общее счастье.

Марсо неверяще покачал головой.

– Милая, да он тебе жизнь спас!

– Я знаю, – вздохнула она. – Только он смог понять, что Кер не причинил мне вреда. Малыш просто закрыл меня собой, как умел. И сделал все, чтобы дер Соллен меня не поранил.

– А что сказал Альварис? – встрепенулся призрак. – Как отреагировал на такое известие?

– Без понятия. Но лер Легран недавно обмолвился, что шуму было много.

– Когда это ты успела пообщаться с Леграном? – внезапно насторожился Марсо.

– Вчера. И этим утром он тоже зашел, чтобы уточнить, как у нас дела.

– В самом деле? – недоверчиво прищурился призрак. – А как у него со щитом?

– Отлично. Я больше ничего не чувствую.

Марсо неожиданно слетел со стола, облетел девушку по кругу, старательно осматривая со всех сторон. Затем вернулся на прежнее место и, подперев голову рукой, выжидательно посмотрел.

– Он тебе нравится?

Айра от такого резкого перехода откровенно растерялась.

– Ну… он хорош собой. Но ведь лер Легран – эльф, а для них это вполне естественно.

– Я не об этом спросил. Скажи, он тебе нравится как мужчина?

– Марсо, ты спятил?! – отшатнулась девушка. – Мне не хватало в эльфа влюбиться для полного счастья!

– Айра…

– Нет! Нет, не нравится в том смысле, что ты хотел узнать! Он красив, умен и просто великолепен, но меня он совершенно не привлекает! Доволен?

– Почему? – спокойно поинтересовался Марсо.

Айра возмущенно вскинулась.

– Потому! Что за дурацкие вопросы?!

– Вопросы не дурацкие. Пожалуйста, ответь.

– Боже… ладно, – сдалась она. – Я попробую объяснить. Лер Легран действительно очень хорош собой. Я никогда таких красивых мужчин не видела. У него изумительный голос, он двигается, как дикий зверь. Завораживает, околдовывает и притягивает, будто магнит. Но мне не нравится, что из-за этого я долгое время ходила сама не своя. Постоянно думала о нем. Мечтала. Стремилась увидеть… это как болезнь, понимаешь? Дурацкое наваждение. А принимать иллюзию за действительность, даже если она очень красивая, мне не хочется.

Призрак ненадолго задумался, а потом осторожно уточнил:

– Значит, ты его боишься?

– Уже нет. Когда он исправил свой щит, а ты поправил мой, все стало прекрасно. Теперь я могу смотреть ему в глаза, не опасаясь, что меня туда утянет.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Марсо. – Значит, я не напрасно работал. А ты оказалась гораздо сильнее, чем я предполагал. Так. Насчет эльфа не волнуйся – он для тебя не опасен. А вот с Викраном мне придется серьезно поговорить.

– Не стоит. Он теперь мой учитель.

– Что?!

– Викран дер Соллен теперь мой учитель, – неестественно ровно повторила Айра, и Марсо едва не упал со стола.

– Он тебя взял личной ученицей?!

– Вероятно, лер Альварис так решил, и ему пришлось подчиниться. Другой причины подобного «счастья» я не вижу. Вряд ли он испытывает ко мне столь теплые чувства, что готов тратить свое драгоценное время на мое обучение.

– Всевышний… а инициация?!

– Об этом он ничего не говорил.

– Бог мой, Айра… девочка… да что ж мне с тобой делать-то?! С Викраном тяжело находиться рядом. Он слишком молод. Слишком горяч. Слишком сильно когда-то обжегся. Тебе будет невероятно трудно!

– Я знаю, – сухо кивнула девушка, вспомнив пристальный взгляд будущего наставника и то равнодушие, с которым он сообщил, что в любом случае заставит ее подчиняться. – Но боюсь, выбирать не приходится: или он, или Ковен магов. А туда мне ни в коем случае попадать нельзя.

– Уж в этом я с тобой полностью согласен. Вот только Викран… – Марсо с досадой стукнул кулаком по колену. – Я попробую что-нибудь сделать. Ничего не обещаю, но все-таки попробую.

Айра грустно улыбнулась.

– Спасибо. Только давай больше не будем об этом, ладно? У меня есть целых две недели, чтобы побыть свободной. И я не хочу потратить их на то, чтобы горевать над судьбой. В конце концов, я не буду слабой вечно… так что ты там говорил про источник? Где он? И с чем его едят?

Марсо с сочувствием посмотрел на встрепенувшуюся девушку, а затем со вздохом кивнул куда-то в сторону.

– Да вот он.

Айра непонимающе взглянула на массивную колонну, к которой ей строго-настрого было велено не приближаться.

Да нет… не может быть…

Но тут ее очертания задрожали, поблекли, расплылись, и наконец, колонна полностью исчезла, открыв совершенно невероятное зрелище.

– Марсо! – тихо ахнула Айра, когда на месте иллюзии возник небольшой бассейн, до краев полный чистейшей воды. Той самой, ледяной и искрящейся в неверном свете магических светильников подобно россыпи бриллиантов. – Это же самый настоящий Ключ!

– Да, – грустно улыбнулся дух. – Он существовал еще тогда, когда об академии высокого искусства никто даже не слышал. Потом источник нашли, вокруг него отстроили этот остров, кругом насадили леса, которые, кстати, только за счет источника сохраняются неизменными уже более пятисот лет. Затем Ковен магов попытался добраться до самого Ключа, чтобы не довольствоваться теми крохами, что выходили на поверхность, но в то время у них почему-то не вышло. А лет сто назад, когда в том возникла необходимость, им пришлось обратиться к эльфам. И те все-таки сделали Ключ доступным для всех желающих.

– Так это и есть тот источник, который тебя здесь держит?!

– Увы, – горько усмехнулся призрак. – Ключ – основа моего существования и одновременно самый неподкупный мой охранник. Содержащейся в нем силы хватает, чтобы я мог жить бесконечно долго, пользоваться несложными чарами, беспрепятственно передвигаться по академии. Однако я не могу удалиться от него дальше чем на тысячу шагов.

– Но это же тюрьма!

– Я не жалуюсь, – печально улыбнулся маг. – Когда Альварис предложил такой вариант, у меня просто не было другого выхода: на тот момент в моем личном источнике оставалось лишь несколько капель силы. Еще несколько дней, и я бы окончательно развеялся. Странно только, что маги Ковена согласились на эту сделку.

Айра пораженно замерла.

– Так это они тебя здесь заперли?!

– Ну, заперли – не самое подходящее слово, – криво усмехнулся Марсо. – Скорее, это мое наказание. Искупление, если хочешь. А заодно и очень удобное приобретение, которое они уже успели оценить: немногие знают о Занде столько, сколько я. Собственно, только поэтому мне дали возможность здесь находиться.

– Но почему директор тебя не отпустил?!

– Какое-то время мы были хорошими друзьями, но… скажем так, он не забыл моих выкрутасов. Поэтому мне понятно его желание обезопасить учеников от моего тлетворного влияния. Но он всегда был осторожный. К тому же это не его личное решение, а настоятельная просьба Ковена. К которой, как ты понимаешь, следует относиться как к прямому приказу.

– Но так нечестно! – с чувством воскликнула Айра, не в силах поверить в то, что услышала. – Что бы ты ни натворил, это давно в прошлом. Источник ведь не клетка, он всего лишь дает силу!

– Ковену так спокойнее. Без этого Ключа мне не выжить. Но если бы я даже нашел ему замену, то все равно не найдется безумца, который помог бы мне его зарядить. Не расстраивайся, девочка моя. Может, в тех книгах, что здесь хранятся, есть сведения о другом способе продлить мое существование?

Айра слабо улыбнулась.

– Если он есть, мы его обязательно найдем.

– Ох, прости, – внезапно сконфузился призрак. – Ты, наверное, устала, а я тут голову морочу своими проблемами. Прости, что-то мы сегодня заболтались. Хлебни-ка напоследок из источника и беги, пока тебя не хватились.

Вэйр пришел в себя только к вечеру. Не столько от холода и сотрясшей его дрожи, сколько от восхитительного аромата жареного мяса.

Он попытался приподняться, но тут же со стоном рухнул обратно: голова буквально разламывалась на части, а в груди поселилась такая тяжесть, словно на ней лежал громадный валун.

– Очнулся! – радостно вскрикнул незнакомый женский голос.

– Что? – это уже хрипловатый бас, полный искреннего облегчения. И вот его-то Вэйр точно узнал, а когда сверху с широкой улыбкой склонилась смуглая физиономия, даже попытался улыбнуться в ответ.

– Даст…

– Живой, – удовлетворенно протянул южанин. – Никакими магами нас не запугаешь! Вэйр, ты как?

– Плясал бы, да тесно…

– Хор-рошо, – ощерился южанин. – Мира, не бойся. Раз этот недозрелый маг начал зубоскалить, значит выкарабкается. Лучше мяса ему притащи. Нам, мужикам, другого лекарства не надо.

– Бегу!

Вэйр удивленно замер, заслышав торопливые шаги, и в немом изумлении уставился на миловидное личико с огромными голубыми глазами, обрамленное копной соломенно-желтых волос. Девушка была невероятно хороша собой. Хрупкая, как травинка. Нежная, чистая и светлая, как солнце в погожий день.

Даст только крякнул, когда при виде ее у Вэйра вспыхнули глаза – с такой надеждой, словно он встретил потерянную душу. Южанин вопросительно покосился на присевшую рядом Миру, но та с таким искренним удивлением изучала пацана, что стало понятно – они незнакомы.

– Извини, – через пару мгновений мальчишка помрачнел и отвернулся. – Ты напомнила мне одного человека.

– Ничего, – улыбнулась девушка. – Поешь. Тебе нужны силы.

– Где мы?

– А пес знает, – беспечно отозвался Даст. – После того, что ты натворил, нас могло и в Карашэх, и в Иандар, и даже в Лигерию забросить.

– А что именно я натворил? – непонимающе спросил Вэйр.

– Ты не помнишь?!

– Нет, – вдруг нахмурился юноша. – В башке все звенит, будто по ней дубиной ударили. Все в каком-то тумане, плывет и постоянно ускользает… хотя…

Он нахмурился, когда перед внутренним взором пронеслись картины недавнего прошлого: корабль… пираты… кандалы, которыми кто-то приковал его к палубе. Тяжелое весло, ворочать которым с каждым днем все труднее. Насмешки. Побои. Угрожающий свист кнута над головой. Затем – перепуганная девушка, удивительно похожая на его сестру, и идущий за ней Кратт, губы которого расползаются в предвкушающей усмешке…

Вэйр охнул и внезапно вспомнил все: свою злость, испуганные крики матросов, ревущее море за кормой, бешеный свист ветра и расширенные глаза незнакомого мага, с которого в последний момент слетел низко надвинутый капюшон.

В тот момент ему было чуждо сострадание. Он забыл, что такое милосердие. Он хотел крови. Мести. И с мрачным удовлетворением наблюдал, как подвластная ему стихия безжалостно перемалывает человеческие тела, лишая их даже крохотного шанса на спасение…

Наверное, он бы так там и остался, упиваясь видом издыхающего Кратта. Но почему-то в самый последний момент перед глазами появилось лицо с укором смотрящей матери, и Вэйр словно очнулся. Вспомнил, зачем ушел. Всем сердцем пожелал увидеть престарелых родителей. И, уже исчезая в ослепительной вспышке, с сожалением подумал, что никогда не сможет вернуться…

Придя в себя и осторожно оглядевшись, Вэйр с удивлением сообразил, что находится в наспех сделанном шалаше. Места, конечно, было маловато – двоим крупным мужчинам и хрупкой Мире едва хватало. Зато так было теплее. А мирно потрескивающий костерок, разведенный в неглубокой яме, хоть чуть-чуть, но помогал согреться, не давая порывам холодного ветра до конца выстудить небольшое убежище.

– Даст? – ошарашенно моргнул юноша.

– Да нормально все, – небрежно отмахнулся южанин и вгрызся в кусок еще горячего мяса. – Ну, маг ты и маг. Чего такого? Странно только, что раньше тебя не заметили, ну да нам с того только польза – если бы ты не помог, мы бы не выжили. Да, Мира?

– Да, – шмыгнула носом девчонка, непроизвольно прижимаясь к южанину. – Спасибо вам. Вы мне жизнь спасли.

– А Хиг где? – хрипло спросил Вэйр, с трудом принимая сидячее положение. – А другие пленники?

Даст отвел глаза.

– Я никого не видел. Возможно, ему повезло и он выплыл в другом месте, но следов на берегу я не нашел. Остальные освободиться не успели. А в цепях и в шторм даже опытный пловец пойдет ко дну. Но так, наверное, даже лучше – насколько я понял, по нам прошлись каким-то заклятьем, отбирающим память. А может, еще что похуже. Но, в конце концов, на все воля Всевышнего. Поэтому мы живы, а они – нет. И никуда от этой правды не денешься.

– Как мы тут оказались? – снова спросил Вэйр, с трудом отогнав мысль о том, что по его вине погибли невинные люди. – И где ты добыл огонь?

Даст пожал плечами.

– Где смог, там и добыл. Нашел за скалами рощицу, наломал веток, сделал шалашик… от холода он, конечно, не спасает, но хотя бы вода на голову не капает. А потом в одно из деревьев шарахнула молния, вот я и позаимствовал оттуда огонь. Когда шел обратно, наткнулся на птаху со сломанным крылом. Она упала – я нашел. Или ты дичь не уважаешь?

Юноша криво улыбнулся.

– Да мне сейчас, в общем-то, все равно кого есть.

– Правильно, – хмыкнул южанин. – Кстати, я все хотел спросить: портал, через который нас сюда затянуло, твоих рук дело?

– Не знаю, – озадаченно отозвался юноша, но вспомнил ударившую по глазам яркую вспышку, после которой потерял сознание, и поежился. – Может быть. Я понятия не имею, что творил. И если ты сейчас попросишь повторить, точно не смогу. Как считаешь, куда нас выбросило?

Южанин пожевал губами.

– Далеко, сам понимаешь, я не ходил. Но берег каменистый, песка мало, море холодное, солнце садится рано, да и погодка совсем не для южных краев. Вон лес уже желтеет, хотя на Аргаире только-только лето наступило. И мы точно не на островах – я видел крапника[1 - Крапник – небольшая птица, обитающая на побережьях и питающаяся в основном морской рыбой.], а он никогда далеко от

Большой земли не улетает. Ну, насчет Карашэха сомнений нет – там не бывает холодов. Так что получается, это или Северное море, или же Иандар. Ну, может, еще западное побережье. А поскольку иначе, чем порталом, мы сюда попасть никак не могли… именно поэтому я спрашиваю, что да как.

– Думаешь, я мог забросить нас в такую даль? – с содроганием спросил Вэйр. – Я, может, и маг, но на такой подвиг сил бы у меня точно не хватило.

– Да кто ж тебя знает? Ты где бывал, кроме родного дома?

– В деревне соседней бывал, – добросовестно припомнил юноша. – В Парме, на ярмарке… но всего пару раз. Ну, в Пруды когда-то бегал на спор. Через болота. И до Соленого озера однажды дошел на охоте. Почему ты спрашиваешь?

– Да видишь ли, – озадаченно нахмурился Даст. – Я как-то слышал, что маг может открыть портал лишь туда, где бывал раньше. А ты нас забросил… да-да, именно ты, потому что вряд ли тот маг был столь любезен, что помог нам спастись… не знаю где. И вернуть домой, судя по всему, не способен.

Вэйр помотал головой.

– Вот это-то и дерьмово, – совершенно спокойно заключил южанин. – Без еды, воды и нормальной одежды мы далеко не уйдем. В первой же деревне нас остановят и спросят, кто такие и откуда взялись. Насчет Угря вряд ли поверят. Скорее, заподозрят, что с ним в сговоре. А Мире вообще не стоит показываться кому-либо на глаза: если я прав и мы в Иандаре, то там светловолосых не слишком любят.

– А если это Западные горы? – робко поинтересовалась девушка.

– Тоже ничего хорошего – эльфы в свой лес посторонних не пускают. Можем хоть сто лет под деревьями просидеть, а они даже не почешутся.

– Что же нам делать?

– Думать, милая. Думать. Но прежде всего – съесть вон ту птичку и хорошенько выспаться. На свежую голову и мысли приходят лучше. Так что сейчас

приказываю всем встать, дружно начать жевать и ни в коем случае не сбиться с ритма. А потом разгрести угли и улечься на нагретое место, чтобы поутру подумать, что делать дальше.

К утру небо посветлело и из-за туч выглянуло солнце. Не слишком теплое, но достаточно яркое, чтобы осознать, что жизнь все-таки прекрасна.

Вэйр, выбравшийся из шалаша, внимательно огляделся, но кроме голых скал, мирно плещущихся волн и виднеющегося на холме желтеющего леса ничего не приметил. Ни дорог, ни хижин, ни следов рыбаков, ни даже обломков затонувшего корабля.

Вэйр поежился от прохладного ветерка, заставившего его почувствовать все недавно полученные синяки. С раздражением откинул со лба спутанные волосы, а затем оглянулся на выползшего следом за ним Даста и вдруг хохотнул:

– Знаешь, на кого мы похожи?!

Южанин проворно выпрямился и неодобрительно взглянул на некстати развеселившегося парня, на коже которого в изобилии красовались синяки и следы от встречи с кнутом. По достоинству оценил его голые пятки. Спутанные волосы, которые откровенно стоило бы вымыть. Перевел взгляд на свою голую грудь, изрядно потрепанные порты, которые подвернул до колен, чтобы не порвать окончательно. Наконец смущенно поскреб макушку и вынужденно признал:

– Я бы первым делом схватился за нож: встретить такие разбойные рожи, как у нас, не к добру.

– Это точно, – хмыкнул Вэйр, пытаясь отряхнуть порванную штанину. – Думаю, приличными людьми нам не прикинуться – мы похожи на разбойников с большой дороги.

– Угу. Я главарь, ты на подхвате. Осталось только топоры найти и повязку мне на один глаз…

– Зачем повязку? – удивилась Мира, последней выбираясь из шалаша. – Ой, как светло! И солнце выглянуло!

Вэйр неловко отвел взгляд: при свете дня она была совсем непохожа на ту девушку, которую он помнил. Однако даже порванное платье, из-под которого торчали такие же голые, как у них с Дастом, ноги, не сумело испортить ее очарования и хрупкой, какой-то беззащитной красоты.

Увидев своих спасителей во всей красе, Мира невольно хихикнула.

– Ну и вид у вас!

– Думаешь, у тебя лучше? – хмыкнул Вэйр, пытаясь пригладить непослушные вихры. – Мы хотя бы сойдем за моряков, потерпевших кораблекрушение. А вот тебя в этом платье даже за девчонку никто не признает.

– И это к лучшему, – внезапно посерьезнел Даст. – У меня есть предложение быстренько перекусить, отмыться и побыстрее уходить.

– К лесу пойдем? – Вэйр, прищурившись, всмотрелся в даль.

– А куда еще? Надо найти дорогу. В нашем положении лучше всего наткнуться на одинокого путника, чем нарваться на толпу необразованных крестьян.

– А нас послушают? – робко пискнула Мира.

– Куда они денутся? – ободряюще подмигнул ей Даст. – Я умею хорошо убеждать… Главное, чтобы они не взялись раньше времени за вилы. Кстати, у тебя родители есть?

– Да. Только старенькие уже. И братья. Но они в Коррот на заработки ушли. Есть еще две сестры, они замужем давно, с детьми возятся, хозяйство держат… одна я у матушки с батюшкой осталась.

– А жених?

– Нет, – мотнула головой девушка. – Веселка по весне сватался, да батюшка его отвадил.

– Что ж так-то? – усмехнулся южанин. – Не глянулся?

– А вот не глянулся!

– Да не фырчи, как кошка. Я ж тебя не заставляю замуж идти, – Даст обезоруживающе улыбнулся, и Мира тут же успокоилась. А потом отвернулась и зачем-то полезла в шалаш – то ли забыла чего, то ли ради какой-то странной прихоти.

Вэйр быстро взглянул на южанина, проводившего девчонку долгим взглядом.

– Она хорошая, – осторожно обронил он в тишину. На что Даст замедленно кивнул и наконец отвел взор от шалаша.

– Хорошая. Но не для такого бродяги, как я.

Юноша успокоенно отвернулся.

– Надо бы оружие поискать. Или хотя бы пращу сделать. Если зверя встретим, как защищаться будем?

– Давай ищи. А я гляну, не выкинуло ли море чего-нибудь полезного.

Вэйр скептически поджал губы, откровенно сомневаясь, что в портал могло затянуть что-нибудь полезное, но Даст уже отвернулся и, оскальзываясь на холодных камнях, направился к мору.

Юноша какое-то время следил за тем, как южанин довольно ловко скачет по опасным кромкам. Перевел взгляд на шалаш, откуда слышался звонкий голосок Миры. Подивился, что она не только отошла от вчерашних ужасов, но и напевать в чужом краю не стесняется. Затем подумал, что за нее он готов любому вцепиться в глотку, и, закатав по примеру Даста штаны до колен, направился в противоположную от южанина сторону.

Целыми днями Айра была предоставлена самой себе. Утром ее будил назойливый гонг, к которому она до сих пор не могла привыкнуть. Вскоре после этого заходил господин Лоур. Пристально следил за тем, как девушка поглощает свой завтрак, и, только убедившись, что тарелка пуста, возвращался к ученикам, от присмотра за которыми его, разумеется, никто не освобождал. А возвращался только поздним вечером – точно так же заботливо проследить, чтобы истощенная Айра в обязательном порядке съела легкий ужин.

Кормили в лечебнице хорошо. Правда, мяса в рацион не включали: старый лекарь считал, что животная пища вредит состоянию ауры.

Айра не возражала – за прошедшие месяцы она успела отвыкнуть от мяса, но ела скорее по привычке. И чтобы поддержать собственные силы, от которых, как оказалось, слишком сильно зависел Кер.

Пару раз ее навещал лер Легран, заботливо справляясь о самочувствии, но едва стало понятно, что умирать девушка не собирается, а Кер выглядит все лучше и лучше, эльф приходить перестал. Но оно и неудивительно: у него наверняка хватало других дел, да и его помощь ей уже давно не требовалась.

В остальное время она могла делать все, что душе угодно… в пределах комнаты, разумеется. Причем господин Лоур так решительно настаивал на соблюдении постельного режима, что даже наложил на дверь охранное заклинание.

Он, правда, не знал, что по отношению к Айре оно не срабатывало, но девушка не стала его извещать об особенностях своего щита. А терпеливо дожидаясь наступления вечера, просто выпрыгивала в окно, чтобы поспешить к дожидающимся ее Шипику и Иголочке, да тщательно проследить, чтобы Бриер – а этот упрямец так и продолжал нарушать правила – не поранился, перебираясь через игольник.

По правде сказать, Айра была рада его видеть. В первую очередь потому, что это был единственный человек, который навещал ее просто так, по дружбе. Нет, он, конечно, придирчиво изучал ее внешний вид всякий раз, когда Шипик опускал его на землю. И преувеличенно серьезно вопрошал о самочувствии «самой тяжелой в мире больной». Но даже это умел делать так, что ни раздражения, ни злости не возникало. И Айра только интересовалась в ответ, не поранил ли благородного рыцаря оседланный им игольник.

Бриер, разумеется, возмущенно фыркал и намекал, что «конь-то», дескать, был взят взаймы. И вообще, он не оседлывал, а лишь позволял лапать себя колючими ветками, за что, естественно, нужно бы стребовать адекватную компенсацию. Девушка тут же вскидывалась, ядовито осведомляясь, какая еще ему нужна компенсация, если она и так позорит свое честное имя, болтая с ним ночами напролет. И дело вполне могло закончиться настоящей перепалкой, но каждый раз все портил плохо понимающий шутки Кер. Так что в конце концов Бриер сдавался и со смехом признавал, что был не прав, после чего клятвенно обещал исправиться… и на следующий день все начиналось снова.

Вечерами они сидели возле присмиревшего игольника, подолгу болтая о самых разных вещах. Иногда Айра рассказывала о том, как жила до Занда. Нередко они веселились, наблюдая, как Кер играет с Шипиком, стараясь не утонуть в гуще зеленых ветвей. И пару раз его действительно приходилось оттуда выпутывать, потому что игольник не любил, когда его покусывают за листья.

Бриер говорил много и охотно. Он вообще оказался на удивление общительным и всегда охотно отвечал на любые вопросы. Даже тогда, когда они ставили его в тупик.

Например, он искренне не понял, зачем Айра попросила его назвать признаки, по которым можно было отличить человеческий облик виара от вампа. И элементы сходства, которые могли бы свидетельствовать в пользу того, что вампы и виары произошли от одного создателя.

Он немало удивился, когда девушка захотела узнать его мнение об истории возникновения мира. Заинтересовалась всем, что он знает о Занде. Вынудила вспомнить все мифы о метаморфах, особенно интересуясь охранными и совсем уж легендарными боевыми.

Она спрашивала его об учебе. О классах и о том, какие преподаватели ведут у него предметы. Немало озадачилась, когда он сообщил, что на старших курсах преподаватели все те же, только уроки по Стихийной магии длятся гораздо дольше, Практическая магия и Естествознание были урезаны до одного занятия в неделю. Основы заклинаний и уроки господина Дербера полностью прекратились, зато вместо них появился курс Трансфигуральной магии, который вел господин Борже. А также обязательная для вампов Некромантия, которой, разумеется, занимался лер Уртос. Плюс Боевая и Защитная магии с лером

Викраном.

Путем осторожных расспросов Айра выяснила, что дер Соллен ежедневно проводил занятия у разных курсов. Несколько раз в неделю уделял пристальное внимание личному ученику, при необходимости заменял лера Альвариса, когда тот находился в разъездах. По ночам тренировал виаров и вампов. И вообще был вездесущим, бесконечно много знающим и поистине незаменимым человеком.

А еще на его плечах лежали вопросы безопасности адептов, защита корпусов, охранные сети во всей академии и много такого, о чем Бриер знал весьма смутно. К примеру, теперь дер Соллен приходил к Айре каждый вечер и заставлял на протяжении целого часа терпеть свое утомительное присутствие. Вроде как лечил, но лучше бы он этого не делал, потому что после его ухода девушка не только чувствовала себя отвратительно, но еще и испытывала непреодолимое желание умыться.

Конечно, Бриер об этом не подозревал. Не догадывался, насколько тяжело Айре давались эти визиты. И искренне удивлялся, почему учитель взял на себя труд заниматься с еще одной ученицей, которой в качестве наставника гораздо лучше подошел бы лер Легран.

Насчет последнего она была с ним полностью согласна, поскольку ее Земля действительно нуждалась в хорошем наставнике. По ее мнению, бывший охранитель Занда на эту роль совершенно не подходил. Но лер Альварис, видимо, считал иначе, и Айре ничего не оставалось, как подчиниться.

Так прошла неделя.

На вторую, как и было обещано, господин Лоур торжественно объявил, что Айра достаточно окрепла, чтобы совершать самостоятельные прогулки. Разумеется, в пределах близлежащего сада и с жесточайшим ограничением на использование каких бы то ни было чар.

– Спасибо, лер, – благодарно улыбнулась Айра, увидев торжественно преподнесенное ей платье. Такое же серое, как раньше, только гораздо лучшего качества, из приятной на ощупь ткани, которая не раздражала кожу колючими шерстинками. К платью прилагались аккуратные сапожки, с которыми любая

прогулка должна была превратиться в удовольствие, и скромный набор непритязательных, но и не дешевых украшений, от которых Айра, подумав, все-таки решила отказаться.

– Время прогулки еще ограничено, – строго добавил господин Лоур. – С завтрака до полудня и после обеда в течение одного мерного деления ваших часов. Все остальное время вам следует находиться в помещении. И чтоб никаких попыток воспользоваться магией!

– Да, лер, – покорно кивнула Айра.

Господин Лоур с преувеличенной строгостью взглянул на ученицу, но нашел, что она все поняла, и, удовлетворившись ее смиренным видом, ушел.

– Ну что, Кер? Теперь мы с тобой не пленники?

Метаморф придирчиво обнюхал обновку: платье выглядело совсем новым, скромным и с виду очень простым. Но в нем не стыдно будет и на выпускном балу появиться. Тот, кто сделал этот баснословно дорогой подарок, обладал не только превосходным вкусом, но и знал толк в по-настоящему важных вещах.

Кер с удовлетворением оглядел переодевшуюся хозяйку, перекинулся в ласку и поспешил обернуться вокруг ее шеи пушистым шарфом.

Айра не стала протестовать. И ничем не показала, что заметила тягу друга к своему нежному горлу. Он даже по ночам не мог отказать себе в удовольствии ткнуться мордочкой в ямку над ее ключицей. А во время прогулок все чаще предпочитал не прыгать по деревьям, а живым шарфом согревать ее узкие плечи.

При этом Айра и сама испытывала необъяснимое чувство защищенности, когда Кер занимал свое излюбленное место. И стала подмечать, что без него ей становилось некомфортно. Причем с каждым днем это чувствовалось все отчетливее. И не в последнюю очередь потому, что мастер Викран начал задерживаться в ее комнате все дольше и дольше.

Время лечения он, правда, сократил, но вместо этого завел скверную привычку садиться у окна, по нескольку минут пристально изучать упорно молчащую ученицу, а затем задавать самые разные (порой совершенно непонятные) вопросы, на которые ей против воли приходилось отвечать.

Причем спрашивал он хаотично, обо всем, что только приходило в голову. О ее прошлом, о родителях, о ее брате. О Кере, конечно, и о том, как могло случиться, что взрослый метаморф вдруг решил обрести хозяйку…

Айра отвечала неохотно, с трудом переживая тяжелые воспоминания. Голос держала ровным, бесцветным, и хорошо помнила, что дер Соллен чувствует ложь. Поэтому говорила одну лишь правду. Но так, чтобы не выдать ни себя, ни настороженно взирающего на охранителя метаморфа.

– Спокойнее, милочка, – тоном опытной обольстительницы мурлыкал в ее голове внутренний голос, едва взгляд мага становился особенно острым, а Айра начинала беспокойно ерзать. – Ведь правда может быть очень похожей на ложь. А ложь можно представить так, что она будет очень похожа на правду. Будь искренна с ним. Будь откровенна. Но при этом стань лицемерной настолько, чтобы твоя откровенность превратилась в месть. Говори то, что он хочет от тебя услышать. Но так, чтобы у него и мысли не возникло, будто ты что-то от него утаила…

– Расскажи мне о метаморфе, – в один из дней задал маг самый главный вопрос. – Как ты о нем узнала? Когда в первый раз увидела? Что делала, когда его обнаружила, и как вышло, что он тебя признал?

– Я узнала о нем здесь, – спокойно ответила Айра. – Почему он меня признал, я не поняла. Меня уже спрашивали об этом лер Альварис и лер де Сигон. Зачем повторяться?

Мастер Викран слегка нахмурился.

– Когда он в первый раз перекинулся?

– Не помню, – равнодушно отозвалась девушка, позабыв добавить, что не помнит точную дату. Тогда как место и то, что это случилось прямо на глазах у удивленного Марсо, помнила очень даже хорошо.

– Молодец, – хихикнул внутренний голос. – Осваиваешься!

– Каким он стал? Что делал? Видел ли его кто-то еще из преподавателей? – снова посыпались на нее вопросы охранителя.

Айра послушно ответила.

– Почему ты никому не сказала об этом? – хищно уставился на нее боевой маг.

– А зачем?

– Затем, что обо всем необычном адепты обязаны докладывать своему непосредственному куратору!

– Этого не написано в правилах, – ровно отозвалась девушка. – Нам запрещено колдовать вне занятий, покидать корпуса после отбоя, выказывать неуважение к учителям и не соблюдать распорядок. Также нам не рекомендуется покидать свои этажи с наступлением темноты, пребывать без сопровождения преподавателя в оранжерее и пропускать занятия без веской причины, о которой следует ставить в известность куратора заранее. Однако насчет метаморфов и крыс там не сказано ни слова.

Мастер Викран неожиданно улыбнулся, и от этой улыбки у Айры мороз продрал по коже.

– Я тебя услышал. В таком случае не объяснишь ли мне, что именно случилось на уроке Дербера?

– Обморок, – уверенно подсказал внутренний голос. – Подумаешь, девушка оружия испугалась! А еще ночь плохо спала, переутомилась и расстроилась из-за того, что пришлось прочитать два десятка каких-то дурацких методичек…

На последних словах Айра запнулась и, помедлив, все-таки заменила «методички» на более нейтральное «книжки», но маг, кажется, что-то заподозрил и осведомился совсем зловеще:

– Кто трогал твой щит?

– Что? – растерянно моргнула Айра, лихорадочно размышляя над ответом.

– Я спросил: кто изменил его так, что за ним стала не видна твоя аура?!

– Опа, – неловко кашлянул невидимый советчик. На этот раз – довольно молодой и бойкий парнишка, у которого, кажется, возникли схожие проблемы. – Вопрос, как говорится, на засыпку. Друга выдавать нельзя, себя подставлять тем более… притвориться глухим, что ли? Или спешно сушить сухари?

Тишина в комнате после этого стала невыносимой.

Лер дер Соллен смотрел на заколебавшуюся ученицу так внимательно и остро, что у нее неожиданно ослабели ноги, а во рту стало сухо, как в пустыне.

Что делать? Как прикрыть Марсо?! Это ведь его работа, я просила… или нет, он сам предложил, чтобы с эльфом больше не было проблем!

– Почему ты молчишь? – нехорошо прищурился маг. – На мой вопрос так сложно ответить?

– Нет, – наконец вздохнула Айра. – Я просто не знаю, какой дать ответ.

– Ты попробуй, а я решу, устраивает он меня или нет.

– Это из-за лера Леграна, – мысленно сжавшись, промямлила она.

– Повтори! – мастер Викран словно обратился в камень, тогда как впившийся в девушку взгляд внезапно заледенел и стал похож на взор взбешенного василиска. – Что ты сказала?!

– Просто его щит… или мой?.. не знаю точно, кто виноват, – невольно заторопилась Айра. – Но оказалось, что мой щит пропускает его чары. Ну, может, не все, а какую-то их часть. Я сначала не поняла, в чем дело, пока не узнала насчет природных особенностей эльфов. А потом очень захотела, чтобы это больше не повторилось, сказала Керу… и… вот.

– Ты попала под чары Леграна?! – кажется, невозмутимый маг впервые изменил своему знаменитому хладнокровию и едва не отшатнулся.

– Да, – перевела дух девушка.

– Эльфа?! Восточного?!

– Да. И мне это не понравилось.

– И ты одна с ними справилась?! – искренне опешил маг, неверяще изучая спокойное лицо девушки.

– Не одна, – не моргнув глазом, ответила Айра. – Спасибо Керу, что подсказал насчет щита. И леру Леграну – за то, что вовремя все исправил.

«Ну и Марсо, конечно, иначе быть бы мне совсем уж дурной!»

Мастер Викран надолго замолчал, исподволь рассматривая ее взволнованное лицо.

Эльфийские чары трудно преодолеть. Порой настолько, что люди с ума сходили, пытаясь от них избавиться. А у нее – лишь природный щит, хоть и усиленный.

Тем не менее такие вещи иногда случаются. И действительно бывает, что у поздно инициированного мага чрезмерно сильные эмоции – гнев или страх – способны работать по типу настоящего заклинания. Скажем, в нужный момент перед ним создается портал, через который можно убежать от преследователей. Рождается в ладонях полноценный Огонь или просыпается тяга к морю… всякое случалось.

Он видел, как люди, оказавшись на краю гибели, становились чем-то гораздо большим, чем простые смертные, а эльфы, напротив, превращались в существ, которые по безразличию и цинизму превзошли даже последних бродяг, готовых убивать за гроши.

Но могло ли быть так, чтобы девчонка сумела изменить свой природный щит? На одном только страхе, на инстинктах? Так, как случилось недавно с никсой? Смогла ведь она стать другой? Смогла же потом вернуться обратно? Даже с игольником сумела договориться. И каким-то чудом заставить его принять себя, как равную.

Он задумчиво пожевал губами, а затем поднялся и, не говоря больше ни слова, вышел.

Айра проводила его настороженным взором.

– Уф-ф! – облегченно вздохнули у нее в голове. – Я уж думал – все, попались… ан нет! Поживем еще, приятель. Погуляем по свету. Потому что есть, значит, еще Всевышний на небе. И, демон его забери, он кое-что понимает в людях!..

Поняв, что сегодня маг не вернется, девушка неслышно выдохнула.

– Кер, пихни меня в следующий раз, если я начну запинаться. Или отвлеки его, чтобы я могла собраться с мыслями. Хорошо?

Метаморф согласно пискнул и с готовностью прыгнул ей на шею. И это неожиданно принесло столько облегчения, что Айра смогла лишь бессильно опуститься на стул и прижаться к крысу щекой.

На следующий день боевой маг вернулся снова. И, закончив манипуляции с аурой, вновь начал задавать вопросы. Только на этот раз они были гораздо сложнее и одновременно опаснее: об Иголочке, о Шипике, о Кере и о том, как Айра справляется с Озарением.

На этот раз ей пришлось туго: мастер был настойчив, упорен, жестко останавливал, если ответ его не удовлетворял, а затем спрашивал снова и снова, пока не получал внятное объяснение.

Его интересовало все: слышит ли Айра голос Кера, чувствует ли шевеление игольника, может ли приказывать ему на расстоянии. Как она переживала переход из одной личины метаморфа в другую. Как быстро сориентировалась в

новом теле. Насколько хорошо адаптировалась к этим изменениям. Была ли уверена, что действительно находится в том или ином облике. Могла ли отличить реальность от сна. Помнила ли о своих прогулках. И не испытывала ли желания остаться в новом теле навсегда…

Вопросов было много. И на этот день, и на следующий.

Охранитель не стал уточнять причину, по которой Айра умолчала о Шипике: она и так лежала на поверхности. А вот то, что она ни с кем не поделилась своими ночными подвигами, мастеру Викрану не понравилось. Он заинтересовался ее отношениями с одногруппниками, вытянул историю с Грэем Асграйвом, потребовал в подробностях пересказать весь путь до Лира и особенно подробно потребовал рассказать обо всем, что именно Айра успела натворить в золотом лесу.

Чтобы не выдать Дакрала, девушке снова пришлось изворачиваться и выслушать немало советов от оживившихся голосов. А пока хозяйка думала, умница Кер активно отвлекал внимание охранителя: сперва ловким прыжком сбил со стола бокал с лечебным настоем. Старательно забрызгал новенькие сапоги и под конец вцепился зубами в ножку стула, на котором восседал боевой маг.

– Ну-ка, иди сюда, – Айра, поймав за хвост кончик спасительной идеи, наклонилась, пытаясь ухватить верткого зверя. Но тот неожиданно не дался – выплюнув острую щепку, он стрелой кинулся прямо под ноги хозяйке. Та от толчка пошатнулась и непременно бы упала, если бы не ухватилась за стену. Но по нелепой случайности дернула за пышную занавеску, отчего та с оглушительным треском порвалась, а крепления, на которых держался карниз, выскочили из пазов. И с такой силой треснули ее по макушке, что Айра охнула и, закатив глаза, осела.

Мастер Викран подхватил ее у самого пола, проявив при этом некоторую осторожность. После чего аккуратно вернул на кровать, недобро взглянул на расшалившегося крыса и быстро вышел, чтобы позвать лера Лоура.

Едва за ним захлопнулась дверь, Айра тут же открыла глаза и с шипением потерла огромную шишку на затылке. Попыталась сесть, но почувствовала головокружение и тошноту, о которой тут же и сообщила подоспевшему лекарю. После чего с виноватым видом выслушала его длинную негодующую речь и

клятвенно пообещала, что больше не будет пытаться себя убить.

Разумеется, Викрана дер Соллена это не остановило: вернувшись следующим вечером, он начал разговор с того самого вопроса, на который вчера Айра так и не ответила. Однако за прошедшие сутки у нее было достаточно времени, чтобы тщательно продумать свое поведение, поэтому допрос прошел совершенно безболезненно.

Правда, ей показалось, что теперь маг действовал мягче, но, вероятно, после разговора с господином Лоуром, которому откровенно не понравилось, что у его подопечной то и дело происходят всевозможные травмы, ему пришлось сбавить обороты. К тому же мудрый лекарь настоял на своем присутствии на «допросах» все последующие дни. Желая, видимо, убедиться, что ослабленной девушке не чинят никакого физического ущерба.

А поскольку задавать скользкие вопросы дер Соллен в его присутствии не рискнул, то ему пришлось отступить. И Айра даже начала торжествовать победу, однако не тут-то было: от неприятных визитов ее никто не избавил. Просто мастер, будучи ограниченным в средствах, переключился на более прозаические вещи. А именно: зачем-то вдруг принялся выяснять глубину познаний в магии своей новой ученицы.

Айра с нескрываемым удивлением встретила такой неожиданный поворот событий, однако продолжала отвечать. И послушно пересказывала содержание учебников по Естествознанию, Практической магии, Стихийной магии, Травологии, Целительству, Основам заклинаний.

Рассказывать приходилось часами, но мастер Викран, кажется, никуда не спешил: присев на краешек подоконника, он рассеянно смотрел в окно и спрашивал, спрашивал, спрашивал… порой до самой ночи. И вскоре от простых вопросов перешел на более сложные вещи, включая арифметику, географию, историю. И даже хотел знать, в курсе ли Айра, почему на Зандокаре произошло сразу несколько Катастроф.

– Магия, – без колебаний ответила Айра на последний вопрос. – Причиной послужили вырвавшаяся из-под контроля магия и война, развязанная магами за пятьсот лет до образования академии. Правда, историки на этот счет говорят по-разному. Одни утверждают, что дело было в некоем артефакте немыслимой

мощи. Другие считают, что маги разделились на два враждующих лагеря, не сумевших прийти к соглашению. А кто-то полагает, что война была подготовлена и развязана нечеловеческими расами. И в частности, бессмертными народами. В результате на Зандокаре остался лишь один материк из четырех, от бывшего государства Бегез остались только Бегонские острова. Вместо воинственного Оберола теперь разверзлось Внутреннее море, на юге появились пустыни Меру и Горо. И только Северные горы почти не пострадали. Так что большая часть исследователей склоняется к мысли, что война была подготовлена не столько эльфами, сколько хитроумными гномами. Поскольку в итоге ни один из их подземных городов не пострадал.

Господин Лоур, тоже внимательно слушавший рассуждения Айры, удивленно приподнял брови.

– Откуда вам это известно?

– Я много читаю, лер, – спокойно отозвалась девушка. – Мне было интересно узнать, как появилась нынешняя карта Зандокара.

– А что же, по-вашему, случилось на самом деле?

– Я не историк, лер. Но мне показалось, что мысль об артефакте, который срочно кому-то понадобился, имеет больше шансов на то, чтобы быть правдой.

– Почему тебе не нравится версия с эльфами? – вдруг вмешался Викран дер Соллен.

– Потому что они ценят жизнь в любом ее проявлении. А по отношению к Занду даже испытывают нечто вроде почтения и вряд ли стали бы вмешиваться в дела смертных. Кроме того, эльфы слишком горды, чтобы действовать столь варварским способом. Поэтому я думаю, что тот, кто рискнул обвинить их в коварстве, либо слишком мало о них знает, либо… он просто дурак.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Крапник – небольшая птица, обитающая на побережьях и питающаяся в основном морской рыбой.

Купить: https://tellnovel.com/lisina_aleksandra/uchenica-boevogo-maga

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити